

В. И. Ленин (Lenin)

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)
Полное собрание сочинений.
Том 11. Июль ~ октябрь 1905
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 11

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083556
Полное собрание сочинений: Москва; 1960

Аннотация

В одиннадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, относящиеся к периоду с июля по 12 (25) октября 1905 года. Центральное место в томе занимает книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанная в июне – июле 1905 года.

Содержание

Предисловие	5
1905 г.	15
Две тактики социал-демократии в демократической революции {1}	15
Предисловие	16
1. Насущный политический вопрос	18
2. Что дает нам резолюция III съезда РСДРП о временном революционном правительстве?	20
3. Что такое «Решительная победа революции над царизмом»?	24
4. Ликвидация монархического строя и республика	27
5. Как следует «двигать революцию вперед»?	30
6. Откуда грозит пролетариату опасность оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией?	32
7. Тактика «Отстранения консерваторов от правительства»	40
8. Освобожденство и новоискровство	43
9. Что значит быть партией крайней оппозиции во время революции?	48
10. «Революционные коммуны» и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства	50
11. Беглое сравнение некоторых резолюций III съезда РСДРП и «конференции»	55
12. Ослабеет ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия?	58
13. Заключение. смеем ли мы победить?	64
Послесловие. Еще раз освобожденство, еще раз новоискровство	69
I. За что хвалят буржуазно-либеральные реалисты «реалистов» социал-демократических?	69
II. Новое «углубление» вопроса тов. Мартыновым	74
III. Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 11
Июль ~ октябрь 1905

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии
Советского Союза

Предисловие

В одиннадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, относящиеся к периоду с июля по 12 (25) октября 1905 года. Центральное место в томе занимает книга «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанная в июне – июле 1905 года.

Этот период характеризуется дальнейшим развитием революции в России – первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма. Знаменательной вехой в истории большевистской партии был состоявшийся весной 1905 года III съезд РСДРП. Решения съезда, разработанные им стратегический план и тактическая линия явились боевой программой партии в борьбе за победу демократической революции. После съезда перед большевистской партией встала задача – сплотить ряды партии вокруг принятых съездом решений, направить работу всех партийных организаций на их выполнение, разъяснить эти решения среди рабочих масс, разоблачить до конца оппортунистическую тактику меньшевиков, которая вела к свертыванию революции, к передаче руководства революцией в руки буржуазии.

Решения Женевской конференции меньшевиков, происходившей одновременно с III съездом РСДРП, показали всю глубину расхождений их тактической линии с тактической линией большевиков. Своими действиями меньшевики раскалывали единство рядов рабочего класса, что являлось серьезной опасностью для борьбы за победу революции. Необходимо было разоблачить меньшевиков, добиться единства действий пролетариата, обеспечить поддержку тактических лозунгов большевиков боевой силой рабочего класса и всех трудящихся.

Огромное значение в этих условиях имел выход в свет в июле 1905 года книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В этой книге Ленин дал теоретическое обоснование решений III съезда РСДРП, стратегии и тактики большевистской партии. Творчески развивая марксизм, он разработал вопросы об особенностях буржуазно-демократической революции в России, происходившей в эпоху империализма, ее движущих силах и перспективах, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и условиях этого перерастания, о руководящей роли пролетарской партии нового типа как решающем условии победы революции. Ленин дал развернутую критику оппортунистических решений Женевской меньшевистской конференции, показал отход меньшевиков от марксизма, их догматизм в решении важнейших вопросов революции. Вместе с тем Ленин вскрыл реформистские установки лидеров II Интернационала, поддержкой которых пользовались меньшевики.

Ленин указывал, что правильные тактические лозунги пролетарской партии особенно важны для руководства массами. Нет ничего более опасного как принижение роли принципиально выдержанной тактики в революционное время, – писал он, – «... выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий» (настоящий том, стр. 6). Большевики выработали правильную тактику, определили задачи партии и рабочего класса в революции.

В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин всесторонне обосновал идею о том, что вождем, руководителем буржуазно-демократической революции в России в новой исторической обстановке может и должен быть пролетариат.

Он разъяснял, что рабочий класс кровно заинтересован в том, чтобы буржуазно-демократические преобразования произошли не путем реформ, а путем революции, которая решительно освободит развитие производительных сил от пут крепостнических пере-

житков, уничтожит помещичье землевладение и свергнет царское самодержавие. Буржуазно-демократическая революция выгодна пролетариату, ибо ее победа даст ему возможность добиться демократических свобод, укрепить свои организации, приобрести опыт и навыки руководства трудящимися массами и повести борьбу за завоевание политической власти. «Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм», – писал Ленин (настоящий том, стр. 37).

Буржуазно-демократическая революция в России являлась народной революцией. Она привела в движение массы народа, самые глубокие общественные низы, задавленные гнетом и эксплуатацией. Пролетариат как самый передовой и единственно до конца революционный класс всем ходом исторического развития был подготовлен к тому, чтобы возглавить общедемократическое движение в стране. Важной особенностью в развитии российского пролетариата являлось сосредоточение его на крупных предприятиях. Это способствовало росту его организованности, сознательности и революционности. Он имел связи с широкими народными массами города и деревни. Рабочий класс являлся величайшей политической силой в стране.

В отличие от буржуазных революций на Западе, в Англии, Франции, Германии, в которых гегемоном выступала буржуазия, так как пролетариат в то время был еще слаб и не представлял собой самостоятельной политической силы, революция в России происходила в условиях развитой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Рабочее движение являлось важным фактором в жизни страны. Русский пролетариат провел уже ряд успешных боев с самодержавием. Важнейшим обстоятельством было то, что он имел свою собственную политическую партию, которая руководила его борьбой. «Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу», – писал Ленин (настоящий том, стр. 6). Пролетариат имел все возможности, чтобы стать гегемоном, руководителем революции. От того, сыграет ли он роль руководителя народной революции или, как хотели меньшевики, роль пособника буржуазии, зависел исход революции.

Ленин указывал, что победоносным борцом за демократию пролетариат может оказаться лишь при условии, если к его революционной борьбе присоединится крестьянство. Ленин разработал вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством при сохранении руководящей роли рабочего класса как непременном условии победы буржуазно-демократической революции. Крестьянство, страдавшее от малоземелья, было заинтересовано в том, чтобы отобрать землю у помещиков, ликвидировать остатки крепостничества в деревне. Осуществить эту задачу возможно было только революционным путем. Только под руководством пролетариата, единственно до конца революционного класса, крестьянство могло получить помещичью землю, освободиться от гнета самодержавия и помещиков. Вопреки оппортунистическим утверждениям меньшевиков о реакционности крестьянства, В. И. Ленин учил, что коренные интересы крестьянства делают его решительным и полным сторонником пролетариата в демократической революции, «ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству *все* в области земельных реформ, *все то*, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему» (настоящий том, стр. 88).

Разработанные Лениным положения о гегемонии пролетариата, о союзе рабочего класса с крестьянством в буржуазно-демократической революции полностью разбивали тактическую линию меньшевиков, утверждавших, что эта революция может дать лишь то, что выгодно буржуазии. Меньшевики выступали против гегемонии пролетариата, отрицали революционную роль крестьянства и навязывали пролетариату в союзники либеральную буржуазию. Они считали, что в России буржуазно-демократическая революция, как и в прошлом в западных странах, должна проходить под руководством буржуазии. Ленин подверг эти положения меньшевиков уничтожающей критике, разоблачил их догматизм, непонима-

ние ими того, что в России революция развернулась в иных исторических условиях и что нельзя по-старому решать вопрос о ее движущих силах.

Ленин раскрыл контрреволюционную сущность русской буржуазии. Он показал, что по своему классовому положению она не ставит, да и не может ставить перед собой задачи решительной борьбы с царизмом. Самодержавие с его полицейско-бюрократической машиной нужно ей для подавления растущей революционности пролетариата и крестьянства. Она боится, что пролетариат, добившись демократических преобразований, использует их для дальнейшей борьбы за социализм.

Ленин разъяснял, что буржуазия стремится захватить руководство революцией в свои руки, чтобы закончить ее сделкой с царизмом за счет рабочих и крестьян. Она идет к народу, но не как представительница его интересов. «Прирожденные торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами» (настоящий том, стр. 116). Тактика меньшевиков, отводившая либеральной буржуазии роль гегемона, являлась предательством революции. Для того чтобы пролетариат стал на деле вождем, руководителем революции необходимо было оттеснить и изолировать либеральную буржуазию.

В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» подробно разработан вопрос о формах и средствах борьбы трудящихся за победу революции. Решающим средством свержения самодержавия и завоевания демократической республики Ленин считал победоносное вооруженное восстание. Реакционные классы, указывал он, первыми обыкновенно прибегают к насилию, «ставят в порядок дня штык», навязывая гражданскую войну населению, как это сделало царское правительство, встав на путь кровавых репрессий, массовых расстрелов мирных граждан. После 9 января самым ходом событий был поставлен вопрос о необходимости вооруженного восстания. Поэтому перед большевистской партией встала практическая задача вооружения рабочих, организации и сплочения всех революционных сил для восстания.

Разъясняя решение III съезда партии, принятое по вопросу о вооруженном восстании, Ленин указал на огромное значение лозунгов, способных поднять массы на вооруженную борьбу, развязывающих их активность и революционную самостоятельность. Такими лозунгами были: немедленное осуществление революционным путем восьмичасового рабочего дня, создание революционных крестьянских комитетов для проведения демократических преобразований в деревне, вплоть до конфискации помещичьих земель, массовые политические стачки, вооружение рабочих и создание революционной армии. Это были новые средства революционной мобилизации масс, ранее неизвестные марксистским партиям и выдвинутые Лениным с учетом новой исторической обстановки и развернувшейся борьбы народных масс.

Ленин показал, что меньшевики к вопросу о вооруженном восстании подходили с оппортунистических позиций. Они не учитывали того, что изменившаяся обстановка в стране поставила перед рабочим классом новые задачи, выдвинув вооруженное восстание как единственно возможное в тех условиях средство свержения самодержавия. В решениях Женевской конференции меньшевики не дали ответ на вопрос, наступил ли момент восстания; практические задачи организации восстания, вставшие перед партией, перед рабочим классом, они заменили призывом – вооружить пролетариат «жгучей потребностью самовооружения». Они считали, что партия рабочего класса не должна заниматься подготовкой восстания, так как это может отпугнуть буржуазию. Критикуя хвостизм меньшевиков, Ленин указывал, что в момент, когда гражданская война уже началась, ограничиваться только пропагандой, не давая прямого лозунга перейти к делу, – значит предавать революцию, изменять ей.

Ленин учил, что самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть – это решает все. В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» он доказал, что победоносная буржуазно-демократическая революция, в которой гегемоном выступает пролетариат, должна привести не к завоеванию власти буржуазией, как это было в буржуазных революциях прошлого, а к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Это было новое решение вопроса о государственной власти. Ленин разъяснял, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства «определяет и те классы, на которые можно и должно опереться новым «строителям» новой надстройки, и характер ее («демократическая» диктатура в отличие от социалистической) и способ стройки (диктатура, т. е. насильственное подавление насильственного сопротивления, вооружение революционных классов народа)» (настоящий том, стр. 119).

Ленин отмечал, что победа революции и проведение в жизнь демократических преобразований, необходимых для рабочих и крестьян, вызовет отчаянное сопротивление царизма, помещиков и крупной буржуазии. Сломить это сопротивление, довести демократическую революцию до конца, подготовить почву для успешной борьбы пролетариата за социализм может только диктатура, опирающаяся на вооруженный народ. Но это будет не социалистическая, а демократическая диктатура, которая, не затрагивая основ капитализма, сможет провести в жизнь демократические преобразования в городе и деревне. Партия пролетариата, стоящая во главе движения, должна как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота. Она должна самым энергичным образом стремиться к решительной победе демократической революции. «А решительная победа, – писал Ленин, – и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (настоящий том, стр. 76).

Политическим органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства должно было явиться временное революционное правительство. Разъясняя решения III съезда партии по вопросу о временном революционном правительстве, Ленин указывал, что это правительство должно осуществить программу-минимум РСДРП, в которой были определены ближайшие экономические и политические преобразования: установление демократической республики, введение восьмичасового рабочего дня, конфискация помещичьей земли. Проведение этих преобразований давало возможность обеспечить интересы народа, восставшего против самодержавия. Они были в то же время необходимы для дальнейшего шага вперед, для перехода к социалистической революции.

Задачи, стоящие перед временным революционным правительством, и его классовый характер приводили к выводу, что участие представителей социал-демократии в нем не только возможно, но при благоприятных условиях и необходимо. Такое участие, обеспечивающее проведение социал-демократической политики, было бы действием «сверху». Ленин называл его новым, почти невиданным доселе способом борьбы. И действие «сверху», и давление на правительство вооруженных масс снизу обеспечили бы успешную борьбу за победу демократической революции.

Ленин подверг решительной критике позицию меньшевиков, выступавших против участия социал-демократов во временном революционном правительстве. Не ставя перед собой задачи установления после свержения самодержавия диктатуры революционных классов, рабочих и крестьян, меньшевики и в этом вопросе исходили из своей общей тактической позиции, что после победы буржуазно-демократической революции к власти должна прийти буржуазия. Тактика меньшевиков, указывал Ленин, «по ее объективному значению, *играет на руку буржуазной демократии*» (настоящий том, стр. 49).

В своем труде Ленин разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Намечая план борьбы за решительную победу

буржуазно-демократической революции, Ленин указывал, что вслед за тем, как будут осуществлены демократические преобразования, перед пролетариатом встанет новая задача – борьба за социализм.

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии», – писал Ленин (настоящий том, стр. 90).

Ленин считал, что полная победа демократической революции расчистит путь для действительной борьбы за социализм, даст пролетариату возможность быстрее, шире, глубже и решительнее развернуть эту борьбу. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства подготовит почву для социалистической диктатуры пролетариата. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, разъяснял Ленин, есть прошлое и будущее. Ее прошлое – борьба против самодержавия, крепостничества, монархии. Ее будущее – борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм.

Ленин рассматривал буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот как единый революционный процесс, как два звена одной цепи. В статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», опубликованной в сентябре 1905 года, Ленин, развивая эту идею, писал: «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» (настоящий том, стр. 222). Переход от первого этапа революции ко второму, указывал Ленин, будет зависеть от степени подготовки и сознательности пролетариата, от степени объединения его с крестьянской беднотой.

Разрабатывая свою гениальную теорию, Ленин опирался на идеи Маркса о непрерывной революции, о сочетании крестьянского революционного движения с пролетарской революцией. Он развил дальше идеи Маркса, создав стройную теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию.

Теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую Ленин разработал, исходя из научного анализа социально-экономических отношений в России. Развитие капитализма в России требовало ликвидации многочисленных остатков феодально-крепостнических отношений. Это порождало необходимость общенародной борьбы против самодержавия, создавало предпосылки для буржуазно-демократической революции. В то же время рост капитализма, особенно крупной промышленности, концентрация и централизация ее, обострение противоречий между трудом и капиталом, рост рабочего класса, широкое развитие классовой борьбы, наличие революционной марксистской партии в России создавали все необходимые условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Рассматривая вопрос о расстановке классовых сил в стране в период начавшейся революции, Ленин указывал, что народ, восставший против самодержавия, – не единый народ. Он состоит из собственников и наемных рабочих, из незначительного числа богачей – и десятков миллионов неимущих и трудящихся. В статье «Социализм и крестьянство» Ленин пишет, что в России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося буржуазно-демократического строя. Наряду с общенародной борьбой, разъяснял Ленин, борьбой за победу демократической революции, развертывается борьба пролетариата за социалистическое устройство

общества. За победу буржуазно-демократической революции пролетариат борется вместе со всем крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья. За социалистическую революцию пролетариат борется вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев и кулаков. Определяя задачи партии и рабочего класса в борьбе за перерастание демократической революции в социалистическую, Ленин писал: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства – за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых – за социализм!» (настоящий том, стр. 104). Этот лозунг, указывал он, должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждого практического шага партии во время революции.

Ленинская теория социалистической революции полностью разбивала точку зрения западноевропейских социал-демократов и русских меньшевиков, отрицавших революционные возможности пролетарских и полупролетарских масс города и деревни, считавших, что в социалистической революции пролетариат выступает один, без союзников, что между демократической и социалистической революциями неизбежен длительный перерыв и что пролетариат может победить лишь тогда, когда он составит большинство нации в стране.

Социалистическая революция в России в 1917 году наглядно показала реакционность всех этих оппортунистических установок и полностью подтвердила правильность ленинской теории революции.

В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин развил учение о руководящей роли пролетарской партии в борьбе за победу демократической и социалистической революций. Называя революцию праздником угнетенных и эксплуатируемых, Ленин подчеркивал, что в такие периоды народ выступает активным творцом новых общественных порядков и способен на чудеса, Революционная партия должна шире и смелее выдвигать свои задачи, ее лозунги должны идти «всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе» (настоящий том, стр. 103).

Теория социалистической революции, разработанная Лениным в 1905 году, содержала ряд важнейших исходных положений для вывода о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране – положения о гегемонии пролетариата в революции, о союзе рабочего класса с крестьянством, о руководящей и направляющей роли партии нового типа, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и путях этого перерастания. Этот гениальный вывод Ленин сделал в 1915 году, опираясь на открытый им закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма. Ленин обогатил марксизм новой теорией социалистической революции, имеющей всемирно-историческое значение.

Книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» явилась крупным вкладом в сокровищницу марксизма. В ней Ленин, творчески развивая учение Маркса и Энгельса применительно к новым историческим условиям эпохи империализма, вооружил российский и международный пролетариат могучим идейным оружием в борьбе за победу революции. Великая сила и жизненность развитых Лениным в этом произведении идей, стратегии и тактики большевистской партии проверены опытом трех революций в России, победой Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей власть помещиков и капиталистов и установившей диктатуру пролетариата в нашей стране.

Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии, руководствуясь учением Ленина о гегемонии пролетариата в революции, о союзе рабочего класса с крестьян-

ством, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, творчески развивая и применяя это учение с учетом своеобразия условий своих стран, привели рабочий класс и трудящиеся массы к победе социалистической революции. Идеи, развитые в книге Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», имеют актуальное значение для народов всего мира в борьбе за демократию и социализм.

В статье «Революция учит», обобщая опыт борьбы с первых дней революции в России, Ленин указывал, что русская революция дает поразительное богатство политического материала, подтверждающего правильность выработанной большевистской партией тактической линии и свидетельствующего о полном поражении тактики меньшевиков. Рост политических и экономических стачек в стране летом и в начале осени 1905 года, вооруженные столкновения рабочих с войсками и полицией, развертывавшееся крестьянское движение свидетельствовали о том, что на борьбу против царского самодержавия поднимались миллионы рабочих и крестьян. Во главе движения шел рабочий класс. Массовые стачки и демонстрации ширились с каждым днем, охватывая все новые районы. В июле бастовало 15 000 рабочих Костромы. В Петербурге день полугодовщины 9 января был отмечен забастовками на ряде крупных предприятий. В июле и августе забастовки и демонстрации проходили в Нижнем Новгороде, Риге, Белостоке, Варшаве, Ростове, Харькове, Новороссийске и ряде других городов страны. Царское правительство пускало в ход войска и полицию против бастовавших рабочих. Из подонков общества оно вербовало черносотенные банды, организуя погромы, учиняя расправу над мирным населением, рабочими и интеллигенцией. В статье «Черные сотни и организация восстания» Ленин на примере ряда городов показывал, что в ответ на действия правительства, навязывавшего населению гражданскую войну, рабочий класс спланировал свои силы, организовывал отряды самообороны, готовил оружие. Рабочий класс накапливал опыт и готовился к вооруженному восстанию. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, – писал Ленин. Это была борьба между старой Россией рабства, крепостничества и угнетения, и новой, молодой Россией трудящихся масс, рвавшихся к свету, к свободе, к борьбе за полное освобождение от всякого гнета и эксплуатации.

Рост революционного рабочего движения оказывал большое влияние на деревню. За период июль – сентябрь 1905 года было зарегистрировано 474 крестьянских выступления. На юге России и в Прибалтике развертывалось стачечное движение сельскохозяйственных рабочих. Росло и ширилось крестьянское движение в Грузии, носившее ярко политический характер. Для подавления крестьянского движения царское правительство направляло в деревню карательные отряды, которые жестоко расправлялись с крестьянами.

Проводя политику репрессий, царское правительство в то же время пыталось отвлечь народ от революционной борьбы уступками и обещаниями. 6 (19) августа 1905 года был издан манифест о созыве Государственной думы, названной булыгинской, по имени министра Булыгина, автора проекта создания Думы. Избирательные права для выборов в эту Думу предоставлялись только помещикам, крупным капиталистам и богатым крестьянам. Дума не имела законодательных прав, она должна была стать лишь совещательным органом при царе.

Перед большевистской партией встала задача наметить правильную тактику по отношению к булыгинской Думе. Учитывая, что выдвинутый царизмом план созыва реакционной думы не получил никакой поддержки среди трудящихся масс, что в стране широко развертывалось стачечное и аграрное движение и назревало вооруженное восстание, большевики объявили бойкот булыгинской Думы. Меньшевики же, наоборот, решили не срывать выборов в Думу и принять в ней участие. Таким образом, и в этом вопросе наметились две различных тактических линии: революционная – большевиков, и оппортунистическая – меньшевиков.

В ряде статей, опубликованных в томе: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», «Бойкот булыгинской Думы и восстание», ««Единение царя с народом и народа с царем»», «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?», «Игра в парламентаризм» Ленин раскрыл суть булыгинской Думы как самой грубой подделки народного представительства. Дума, указывал он, несомненно является уступкой революции, но эта уступка сделана с целью подавить революцию и не дать конституции. Это была подачка, которую царское самодержавие давало помещикам и крупной буржуазии. Ленин гневно клеймил предательскую роль буржуазии, готовой подхватить этот «дар» напуганного революцией царя, заключить с ним сделку за спиной народа и предать революцию.

В своих статьях Ленин обосновал тактику активного бойкота, намеченную большевистской партией по отношению к булыгинской Думе. Он выдвинул перед партийными организациями задачу широко развернуть политическую агитацию среди народных масс для разъяснения сути булыгинской Думы как издевательства над народом, для разоблачения классовой основы царского самодержавия, непримиримости его интересов и интересов народа. Ленин предлагал устраивать везде и всюду собрания, использовать избирательные собрания, организовывать демонстрации, стачки. Лозунгами, вокруг которых партия должна была спланировать массы, Ленин считал: вооруженное восстание, образование революционной армии и учреждение временного революционного правительства. Он указывал, что для выполнения поставленных задач стихийно растут силы рабочих и крестьян, «Наше дело – позаботиться, чтобы все эти ручейки слились в могучий поток, чтобы стихийное движение осветил, удесят�ря его силы, свет сознательной, прямой, ясной и точной революционной программы наших ближайших задач» (настоящий том, стр. 207).

Критикуя позицию меньшевиков, выступавших против бойкота Думы и выдвигавших в качестве очередной задачи создание органов революционного самоуправления, Ленин указывал, что надо беспощадно разоблачать эти буржуазно-оппортунистические иллюзии, будто самоуправление осуществимо без свержения самодержавия. Организация революционного самоуправления, писал Ленин, есть не пролог, а эпилог восстания. Лишь после того, как в результате победоносного восстания будет учреждено временное революционное правительство, оно может приступить к организации революционного самоуправления. Тактика меньшевиков была выгодна либеральной буржуазии, помогая ей отвлекать массы от революционной борьбы. Свое отношение к булыгинской Думе меньшевики выразили в решениях Южнорусской учредительной конференции, проходившей в Киеве в августе 1905 года. Оценку работ этой конференции Ленин дал в статьях: «Новая меньшевистская конференция» и «Последнее слово «искровской» тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания». Резолюция конференции о Государственной думе, писал он, надолго останется печальным памятником опошления задач социал-демократии.

Правильность большевистской тактики активного бойкота булыгинской Думы была подтверждена последующим ходом исторических событий и увенчалась блестящим успехом. Булыгинская Дума была сметена силой революции, выборы в нее не производились и правительству не удалось собрать ее. Оценивая позднее тактику партии в период революции 1905–1907 годов и останавливаясь на бойкоте булыгинской Думы, Ленин указывал, что это – пример удачного и правильного применения большевиками тактики бойкота.

В статьях «От обороны к нападению», «Задачи отрядов революционной армии», в письме «В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете» Ленин дает конкретные указания о создании в каждом городе боевых отрядов революционной армии, о вооружении их, об изыскании средств для этой цели. Перед партийными организациями и рабочими массами он ставил задачу серьезного изучения военного дела, ознакомления с новейшей военной техникой, изучения литературы об уличном бое. Ленин рекомендовал, чтобы отряды

начинали учиться этому на деле, борясь против полиции, против организуемых правительством черносотенцев. В этой борьбе, указывал он, вырастут сотни опытных борцов, которые в нужный момент поведут за собой сотни тысяч.

Статьи «Кровавые дни в Москве», «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», «Уроки московских событий» посвящены политической стачке в Москве, начавшейся 19 сентября (2 октября) 1905 года. Широкая массово-политическая работа, проводимая большевистской партией, выдвинутые ею лозунги в связи с тактикой активного бойкота булыгинской Думы все более сплачивали массы и имели огромное значение в развитии революционной борьбы. Царское правительство, с целью развязать себе руки для борьбы с революцией, поспешило закончить русско-японскую войну. 23 августа (5 сентября) был подписан позорный для России мир с Японией. Последствия войны тяжелым гнетом ложились на плечи рабочих и крестьян. Все это усиливало возмущение народных масс против царского правительства и поднимало новую волну революционного движения. Политическая стачка в Москве явилась боевым крещением пролетариата крупного промышленного центра. Оценивая события в Москве, Ленин сравнивал их с первой молнией грозы, осветившей новое поле сражений. «Теперь дело дошло до центра России, до сердца «истинно русских» областей, которые умиляли всего более реакционеров своею устойчивостью», – писал он (настоящий том, стр. 313).

Находясь вдалеке от России, Ленин внимательно, день за днем следил за ходом стачки. На основе анализа развернувшихся событий он сделал вывод, что московская стачка еще не представляла собой высшей ступени движения, что это лишь одна из начальных ступеней борьбы. В ней не было выступлений заранее и хорошо вооруженных революционных отрядов, не было перехода на сторону народа воинских частей. Ленин указывал, что это не одно из тех сражений, которые определяют исход войны. В то же время он писал, что восстание растет, борьба расширяется и обостряется, в политическую жизнь неизбежно втягиваются войска, что боевой зов молодой России проникает даже в наглухо запертые казармы, будит самых темных, отсталых, забитых. Московская политическая стачка явилась серьезной политической школой для пролетариата. Она сыграла большую роль в подготовке Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года.

В статье «Политическая стачка и уличная борьба в Москве» Ленин, оценивая рабочее движение за первый период революции, писал: «Рабочее движение наложило свой отпечаток на всю русскую революцию. Начавшись разрозненными стачками, оно быстро развилось, с одной стороны, до массовых стачек, с другой – до уличных демонстраций. В 1905 году вполне сложившейся уже формой движения является политическая стачка, переходящая на наших глазах в восстание» (настоящий том, стр. 346). Позднее, обобщая опыт революции 1905–1907 годов, Ленин указывал на ее своеобразие: будучи по своему характеру буржуазно-демократической, она по средствам борьбы была пролетарской. Она была пролетарской не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и потому, что именно стачка являлась специфически пролетарским средством борьбы масс, главным средством раскачивания масс, их политического воспитания.

В ряде произведений тома – в статье «Сердитое бессилие», в «Предисловии к брошюре «Рабочие о партийном расколе»», в заметке «К вопросу о партийном объединении» Ленин критикует позицию меньшевиков, занятую ими на Женевской конференции по организационному вопросу, развивает организационные принципы большевистской партии, указывает, что только на основе этих принципов возможно объединение с отколовшейся частью партии. О подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью партии, было записано в решениях III съезда РСДРП. Вопрос об объединении двух частей партии неоднократно поднимали и рабочие. Ленин разъяснял, на каких условиях возможно такое объединение: «Или

слияние с партией на основе решений III съезда, или объединительный съезд» (настоящий том, стр. 303).

В произведениях, вошедших в том, отражена глубокая вера Ленина в силы народных масс, в победу революции. Он указывал, что пролетариат готовится к решительной борьбе с царизмом, учится, крепнет, мужает. С каждой новой схваткой он становится сильнее и неуклонно идет к победе. Характеризуя цели и задачи борьбы рабочего класса и его партии, Ленин писал: «Мы завоюем России республику с полной свободой всем угнетенным народностям, с полной свободой для крестьян и рабочих. Мы воспользуемся тогда всей революционной энергией пролетариата для самой широкой и смелой борьбы за социализм, за полное освобождение всех трудящихся от всякой эксплуатации» (настоящий том, стр. 158).

В одиннадцатом томе публикуются 17 произведений, не входивших ранее в Сочинения В. И. Ленина. Впервые в Сочинения включена заметка «Финансы России»; в ней Ленин пишет об исключительно тяжелом финансовом положении страны, к которому ее привело царское самодержавие. Остальные документы составляют раздел подготовительных материалов. К ним относятся: план послесловия книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции», планы вошедших в том статей по вопросу об отношении к булыгинской Думе. Печатаются также критические замечания на статьи меньшевиков Мартова, Аксельрода и других. Документы, вошедшие в раздел подготовительных материалов, имеют важное значение для глубокого и всестороннего изучения разработки Лениным стратегии и тактики большевистской партии в первой русской революции.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

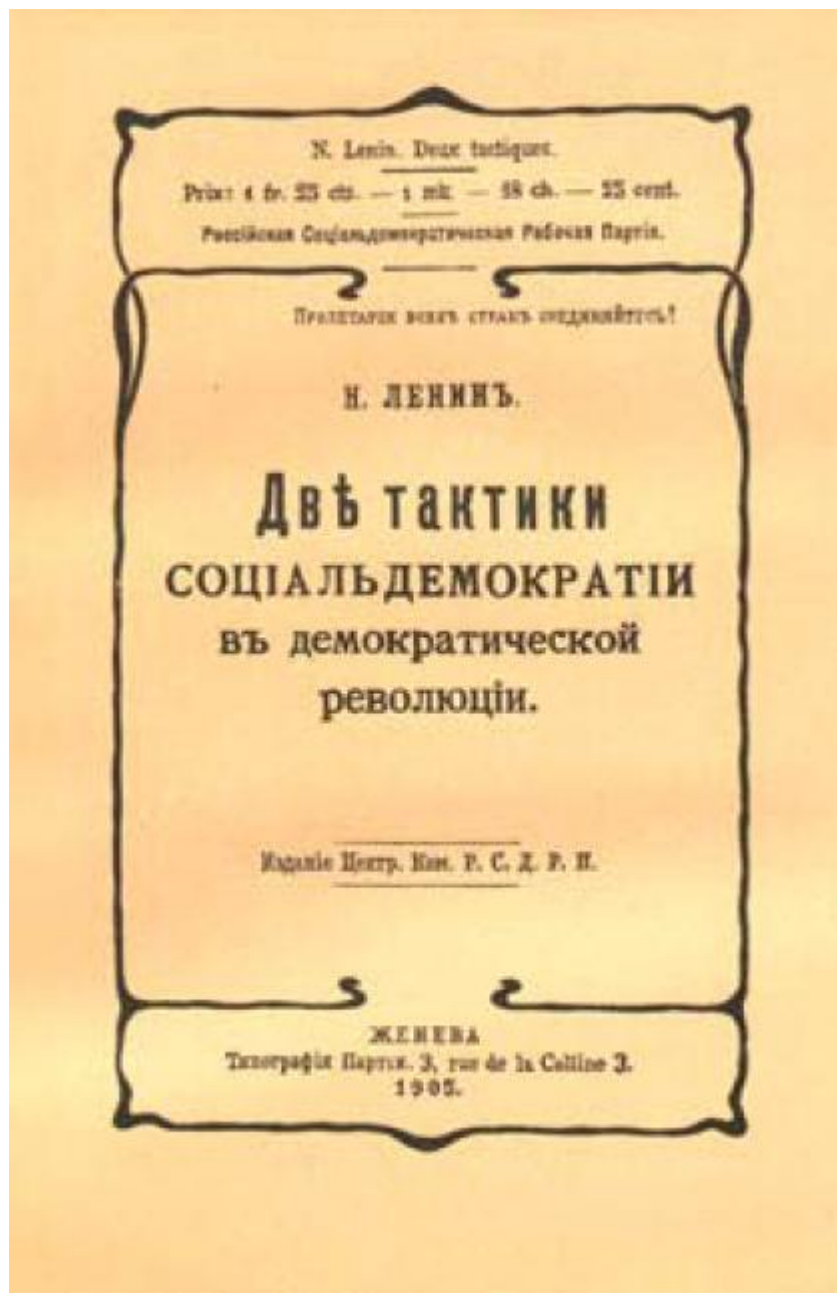
1905 г.

Две тактики социал-демократии в демократической революции^[1]

Написано в июне – июле 1905 г.

Напечатано в июле 1905 г. в Женеве отдельной книгой, изданной ЦК РСДРП

Печатается по тексту книги, сверенному с рукописью и с текстом сборника: Вл. Ильин, «За 12 лет». 1907

Обложка книги В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». – 1905 г. (Уменьшено)

Предисловие

В революционный момент очень трудно поспеть за событиями, которые дают поразительно много нового материала к оценке тактических лозунгов революционных партий. Настоящая брошюра писана до одесских событий¹^[147]. Мы уже указали в «Пролетарии»^[2] (№ 9, «Революция учит»)², что эти события заставили даже тех социал-демократов, которые создали теорию восстания-процесса и отрицали пропаганду временного революционного правительства, перейти или начать переходить фактически на сторону своих оппонентов. Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, — но и массы.

Не подлежит никакому сомнению, что революция научит рабочие массы в России социал-демократизму. Революция подтвердит на деле программу и тактику социал-демократии, показав настоящую природу различных общественных классов, показав буржуазность нашей демократии и настоящие стремления крестьянства, революционного в буржуазно-демократическом духе, но таящего в себе не идею «социализации», а новую классовую борьбу между крестьянской буржуазией и сельским пролетариатом. Старые иллюзии старого народничества, которые так явно сквозят, например, в проекте программы «партии социалистов-революционеров»^[3] и в вопросе о развитии капитализма в России, и в вопросе о демократизме нашего «общества», и в вопросе о значении полной победы крестьянского восстания, все эти иллюзии будут беспощадно и окончательно развеяны революцией. Она даст впервые настоящее политическое крещение различным классам. Эти классы выйдут из революции с определенной политической физиономией, показав себя не только в программах и тактических лозунгах своих идеологов, но и в открытом политическом действии масс.

Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию? сумеем ли мы воспользоваться правильностью нашего социал-демократического учения, связью нашей с единственным до конца революционным классом, пролетариатом, для того, чтобы наложить на революцию пролетарский отпечаток, чтобы довести революцию до настоящей решительной победы на деле, а не на словах, чтобы парализовать неустойчивость, половинчатость и предательство демократической буржуазии?

К этой цели должны мы направить все свои усилия. А достижение ее зависит, с одной стороны, от правильности нашей оценки политической позиции, от верности наших тактических лозунгов, а с другой стороны, от поддержки этих лозунгов реальной боевой силой рабочих масс. К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная, регу-

¹ Имеется в виду восстание броненосца «Князь Потемкин»^[147]. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

^[147] *Восстание на броненосце «Потемкин»* началось 14 (27) июня 1905 года. Восставший броненосец пришел в Одессу, где в это время происходила всеобщая стачка. Но благоприятные условия, создавшиеся для совместного выступления рабочих Одессы и матросов, использованы не были. Большевистская организация Одессы вследствие многочисленных арестов была ослаблена, в ней не было единства. Меньшевики же были против вооруженного восстания и удерживали рабочих и матросов от наступательной борьбы. Царское правительство для подавления восстания на «Потемкине» направило весь Черноморский флот, но матросы отказались стрелять по восставшему кораблю, и командиры вынуждены были увести эскадру обратно. После одиннадцати дней скитаний по морю броненосец «Потемкин», лишенный продовольствия и угля, вынужден был уйти к берегам Румынии и сдаться румынским властям. Большинство матросов осталось за границей. Те же, которые вернулись в Россию, были арестованы и преданы суду. Восстание на броненосце «Потемкин» окончилось неудачно, но переход на сторону революции команды крупнейшего военного корабля знаменовал важный шаг вперед в развитии борьбы против самодержавия. Оценивая значение этого восстания, Ленин указывал, что это была «попытка образования ядра революционной армии» (Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 337).

² См. настоящий том, стр. 135–136. *Ред.*

лярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Эта работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной. В такой момент рабочий класс инстинктивно рвется к открытому революционному выступлению, и мы должны уметь правильно поставить задачи этого выступления, чтобы распространить затем как можно шире знакомство с этими задачами и понимание их. Не надо забывать, что ходячий пессимизм насчет нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции. Несомненно, нам надо еще много и много работать над воспитанием и организацией рабочего класса, но весь вопрос теперь в том, где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации? В профессиональных ли союзах и легальных обществах или в вооруженном восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства? И на том, и на другом рабочий класс воспитывается и организуется. И то и другое, конечно, необходимо. Весь вопрос теперь, в настоящей революции, сводится, однако, к тому, в чем будет лежать центр тяжести воспитания и организации рабочего класса, в первом или во втором?

Исход революции зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции. Сознательные представители буржуазии чувствуют это прекрасно. Поэтому-то «Освобождение»^[4] и восхваляет акимовщину, «экономизм» в социал-демократии, выдвигающий *теперь* на первый план профессиональные союзы и легальные общества «Поэтому-то г. Струве и приветствует (№ 72 «Освобождения») принципиальные тенденции акимовщины в новоискровстве. Поэтому-то он и обрушивается на ненавистную революционную узость решений III съезда Российской социал-демократической рабочей партии»^[5].

Правильные тактические лозунги социал-демократии имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время. Например, «Искра»^[6] в № 104 фактически переходит на сторону своих оппонентов в социал-демократии, но в то же время пренебрежительно отзывается о значении лозунгов и тактических решений, идущих впереди жизни, указывающих путь, по которому движение идет, с рядом неудач, ошибок и т. д. Напротив, выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий. В резолюциях III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и конференции отколовшейся части партии^{3{148}} мы

³ На III съезде РСДРП (Лондон, в мае 1905 г.) участвовали только большевики. На «конференции» (Женева, тогда же) — только меньшевики^[148], называемые часто в предлагаемой брошюре «новоискровцами», ибо, продолжая издавать «Искру», они объявили устами тогдашнего своего единомышленника, Троцкого, что между старой и новой «Искрой» лежит пропасть. (Примечание автора к изданию 1907 г. Ред.)

^[148] Женеvская конференция меньшевиков происходила одновременно с III съездом РСДРП в апреле 1905 года. Ввиду малочисленности участников (присутствовали делегаты только от 9 комитетов) меньшевики объявили свое собрание конференцией партийных работников. Решения конференции показали, что меньшевики не ставили перед собой задачи дальнейшего развертывания революции. Они отрицали гегемонию пролетариата в революции и политику союза пролетариата с крестьянством. Руководителем буржуазно-демократической революции они считали либеральную буржуазию, в руки которой должна перейти власть после победы революции. Меньшевики отвергали необходимость образования временного революционного правительства и участия в нем представителей социал-демократии. В своих решениях по вопросу о вооруженном восстании конференция не наметила практических задач, стоящих перед пролетариатом в связи с восстанием, считая, что партия пролетариата не должна заниматься подготовкой восстания, т. к. это может отпугнуть буржуазию. Конференция высказалась против участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Она не ставила задачи организации революционных крестьянских комитетов для отобрания помещичьих земель; решение земельного вопроса предоставлялось будущему учредительному собранию. Конференция отменила устав партии, принятый на II съезде РСДРП. Ее решения по организационному вопросу, выраженные в «организационном уставе», тянули партию назад от II съезда к организационной раздробленности и кружковщине. Решения Женеvской конференции свидетельствовали о

имеем самые точные, самые обдуманые, самые полные выражения тактических взглядов, не случайно высказанных отдельными литераторами, а принятых ответственными представителями социал-демократического пролетариата. Наша партия стоит впереди всех остальных, имея точную и принятую всеми программу. Она должна показать пример остальным партиям и в деле строгого отношения к своим тактическим резолюциям, в противовес оппортунизму демократической буржуазии «Освобождения» и революционной фразе социалистов-революционеров, которые только во время революции спохватились выступить с «проектом» программы и заняться впервые вопросом, буржуазная ли революция происходит у них перед глазами.

Вот почему мы считаем самым насущным делом революционной социал-демократии тщательное изучение тактических резолюций III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и конференции, определение уклонов в них от принципов марксизма, уяснение себе конкретных задач социал-демократического пролетариата в демократической революции. Этой работе и посвящена предлагаемая брошюра. Проверка нашей тактики с точки зрения принципов марксизма и уроков революции необходима и для того, кто хочет реально готовить единство тактики как основу будущего полного объединения всей Российской социал-демократической рабочей партии, а не ограничиваться одними словами увещания.

Июль 1905 года.

Н. Ленин

1. Насущный политический вопрос

На очереди дня в переживаемый нами революционный момент стоит вопрос о созыве всенародного учредительного собрания. Как решить этот вопрос, мнения расходятся. Намечаются три политических направления. Царское правительство допускает необходимость созыва народных представителей, но не желает ни в каком случае допустить, чтобы их собрание было всенародным и учредительным. Оно как будто соглашается, если верить газетным известиям о работах булыгинской комиссии^[7], на совещательное собрание, избранное при отсутствии свободы агитации и при узкоцензурной или узкосословной системе выборов. Революционный пролетариат, поскольку им руководит социал-демократия, требует полного перехода власти к учредительному собранию, добиваясь в этих целях не только всеобщего избирательного права и не только полной свободы агитации, но, кроме того, немедленного низвержения царского правительства и замены его временным революционным правительством. Наконец, либеральная буржуазия, выражающая свои пожелания устами вождей так называемой «конституционно-демократической партии»^[8], не требует низвержения царского правительства, не выдвигает лозунга временного правительства, не настаивает на реальных гарантиях того, чтобы выборы были вполне свободны и правильны, чтобы собрание представителей могло стать действительно всенародным и действительно учредительным. По существу дела, либеральная буржуазия, которая одна только является серьезной социальной опорой направления «освободителей», добивается возможно более мирной сделки между царем и революционным народом, и притом такой сделки, при которой бы

том, что меньшевики идейно и организационно разоружали рабочий класс, воспитывая его в духе реформизма и приспособленчества к тактике либеральной буржуазии, являлись проводниками буржуазного влияния на рабочий класс. Их тактика была, как указывал Ленин, тактикой «предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов» (настоящий том, стр. 84). В статье «Третий шаг назад» (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 317–327), в произведении «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в «Предисловии к брошюре «Рабочие о партийном расколе»», публикуемых в настоящем томе, и других работах В. И. Ленин вскрыл оппортунистический характер решений Женевской конференции и подверг их уничтожающей критике.

всего больше власти досталось ей, буржуазии, всего менее – революционному народу, пролетариату и крестьянству.

Таково политическое положение в данный момент. Таковы три главные политические направления, соответствующие трем главным социальным силам современной России. О том, как «освобожденцы» прикрывают якобы демократическими фразами свою половинчатую, т. е., говоря прямее и проще, изменническую, предательскую по отношению к революции политику, мы уже не раз говорили в «Пролетарии» (№№ 3, 4, 5)⁴. Посмотрим теперь, как учитывают социал-демократы задачи момента. Превосходным материалом в этом отношении являются две резолюции, принятые совсем недавно III съездом РСДРП и «конференцией» отколовшейся части партии. Вопрос о том, какая из этих резолюций правильнее учитывает политический момент и правильнее определяет тактику революционного пролетариата, имеет громадное значение, и всякий социал-демократ, желающий сознательно исполнить свои обязанности пропагандиста, агитатора и организатора, должен со всем вниманием разобраться в этом вопросе, оставив совершенно в стороне соображения, не относящиеся к существу дела.

Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности. Тактические резолюции принимаются партийным съездом для того, чтобы точно определить политическое поведение партии, как целого, в отношении новых задач или ввиду нового политического положения. Такое новое положение создала начавшаяся в России революция, то есть полное, решительное и открытое расхождение гигантского большинства народа с царским правительством. Новый вопрос состоит в том, каковы практические способы созыва действительно всенародного и действительно учредительного собрания (теоретически вопрос о таком собрании давно уже и раньше всех других партий решен социал-демократией официально, в ее партийной программе). Если народ разошелся с правительством, и массой признана необходимость учредить новый порядок, то партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает *новый* вопрос о временном революционном правительстве. Чтобы дать полный ответ на этот вопрос, партия сознательного пролетариата должна выяснить, во-1-х, значение временного революционного правительства в происходящей революции и во всей борьбе пролетариата вообще; во-2-х, свое *отношение* к временному революционному правительству; в-3-х, точные условия *участия* социал-демократии в этом правительстве; в-4-х, условия давления на это правительство *снизу*, т. е. при отсутствии в нем социал-демократии. Только при выяснении всех этих вопросов политическое поведение партии в данном отношении будет принципиальное, ясное и твердое.

Посмотрим же, как разрешает эти вопросы резолюция III съезда РСДРП. Вот ее полный текст:

«Резолюция о временном революционном правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 256–235, 270–277, 291–297. *Ред.*

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у русского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд РСДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

2. Что дает нам резолюция III съезда РСДРП о временном революционном правительстве?

Резолюция III съезда РСДРП, как видно из ее названия, посвящена всецело и исключительно вопросу о временном революционном правительстве. Это значит, что участие с.-д. во временном революционном правительстве входит сюда, как часть вопроса. С другой стороны, речь идет только о временном революционном правительстве, ни о чем другом; след., сюда не входит совершенно вопрос хотя бы о «завоевании власти» вообще и т. п. Правильно ли поступил съезд, отстранив этот последний и подобные вопросы? Несомненно правильно, ибо таких вопросов политическое положение России отнюдь не выдвигает на очередь дня. Наоборот, всем народом поставлено на очередь свержение самодержавия и созыв учредительного собрания. Съездам партии следует ставить на разрешение не те вопросы, которых коснулся кстати или некстати тот или иной литератор, а те, которые имеют серьезное политическое значение в силу условий момента и вследствие объективного хода общественного развития.

Какое значение в теперешней революции и в общей борьбе пролетариата имеет временное революционное правительство? Резолюция съезда разъясняет это, указывая в самом начале на необходимость «возможно более полной политической свободы» и с точки зрения непосредственных интересов пролетариата, и с точки зрения «конечных целей социализма». А полная политическая свобода требует замены царского самодержавия демократической республикой, как признано уже нашей партийной программой. Подчеркивание лозунга демократической республики в резолюции съезда необходимо логически и принципиально, ибо пролетариат, как передовой борец за демократию, добывается именно полной свободы; кроме того, это подчеркивание тем более целесообразно в данный момент, что у нас как раз теперь выступают под флагом «демократизма» монархисты, именно: так наз. консти-

туционно-«демократическая» или «освобожденская» партия. Для учреждения республики безусловно необходимо собрание народных представителей, притом непременно всенародное (на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов) и учредительное. Это и признает резолюция съезда далее. Но она не ограничивается этим. Чтобы учредить новый порядок, «действительно выражающий волю народа», недостаточно назвать представительное собрание учредительным. Надо, чтобы это собрание имело власть и силу «учреждать». Сознавая это, резолюция съезда не ограничивается формальным лозунгом «учредительного собрания», а добавляет материальные условия, при которых только и возможно настоящее выполнение этим собранием своей задачи. Такое указание условий, при которых учредительное на словах собрание может стать учредительным на деле, необходимо настоятельно, ибо либеральная буржуазия, в лице конституционно-монархической партии, заведомо извращает, как мы уже не раз указывали, лозунг всенародного учредительного собрания, сводя его к пустой фразе.

Резолюция съезда говорит, что обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать собрание, действительно выражающее волю народа, способно *единственно* временное революционное правительство, притом такое, которое бы являлось органом победоносного народного восстания. Верно ли это положение? Кто вздумал бы оспорить его, тот должен утверждать, что царское правительство может не тянуть руку реакции, что оно способно быть нейтральным при выборах, что оно может заботиться о действительном выражении воли народа. Подобные утверждения настолько нелепы, что открыто их никто не станет защищать, но тайком их провозят, под либеральным флагом, именно наши освобожденцы. Учредительное собрание должен кто-нибудь созвать; свободу и правильность выборов должен кто-нибудь обеспечить; силу и власть этому собранию кто-нибудь должен целиком вручить: только революционное правительство, являющееся органом восстания, может вполне искренне хотеть этого и быть в силах все сделать для осуществления этого. Царское правительство неизбежно будет противодействовать этому. Либеральное правительство, вошедшее в сделку с царем и не опирающееся целиком на народное восстание, неспособно ни искренне хотеть этого, ни осуществить этого, даже при самом искреннем желании. Резолюция съезда дает, след., единственно правильный и вполне последовательный демократический лозунг.

Но оценка значения временного революционного правительства была бы неполна и неверна, если бы был упущен из виду классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т. е. капиталистическом, общественно-экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать поэтому о таящихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе.

Значение временного революционного правительства оценено, таким образом, в рассмотренной нами части резолюции вполне: и в его отношении к борьбе за свободу и за республику, и в его отношении к учредительному собранию, и в его отношении к демократическому перевороту, очищающему почву для новой классовой борьбы.

Спрашивается далее, какова должна быть позиция пролетариата вообще по отношению к временному революционному правительству? Резолюция съезда отвечает на это прежде всего прямым советом партии распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства. Рабочий класс должен сознать эту необходимость. В то время как «демократическая» буржуазия оставляет в тени вопрос о низ-

вержении царского правительства, мы должны выдвигать его на первое место и настаивать на необходимости временного революционного правительства. Мало того, мы должны указать программу действий этого правительства, соответствующую объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии. Эта программа есть *вся* программа-минимум нашей партии, программа ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений, и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед, для осуществления социализма.

Таким образом, резолюция выясняет вполне характер и цель временного революционного правительства. По своему происхождению и основному характеру, это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению, оно должно быть орудием созыва всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности, оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа.

Могут возразить, что временное правительство, будучи временным, не может проводить положительной программы, еще не одобренной всем народом. Такое возражение было бы лишь софизмом реакционеров и «самодержавщиков». Не проводить никакой положительной программы значит терпеть существование крепостнических порядков прогнившего самодержавия. Терпеть такие порядки могло бы лишь правительство изменников делу революции, а не правительство, являющееся органом народного восстания. Было бы насмешкой, если бы кто-либо предложил отказаться от осуществления на деле свободы собраний впредь до признания этой свободы учредительным собранием, – под тем предлогом, что учредительное собрание может еще и не признать свободы собраний! Такой же насмешкой является возражение против немедленного осуществления программы-минимум временным революционным правительством.

Заметим, наконец, что, ставя задачей временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; – только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. Если те или другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократически настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов! Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонкими, но пустыми анархическими фразами, – и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации,

что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований.

Пойдем дальше. Раз выяснено значение временного революционного правительства и отношение к нему пролетариата, возникает следующий вопрос: допустимо ли и при каких условиях наше участие в нем (действие сверху)? Каково должно быть наше действие снизу? Резолюция дает точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во временном революционном правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) *допустимо*. Этим заявлением мы бесповоротно отделяем себя и от анархистов, отвечающих на этот вопрос принципиально в отрицательном смысле, и от хвостистов социал-демократии (вроде Мартынова и новоискровцев), *пугавших* нас перспективой такого положения, когда это участие могло бы оказаться для нас необходимым. Этим заявлением III съезд РСДРП бесповоротно отверг ту мысль новой «Искры», будто участие социал-демократов во временном революционном правительстве есть разновидность мильеранизма^[9], будто это недопустимо принципиально, как освящение буржуазного порядка, и т. д.

Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает еще вопроса о практической целесообразности. При каких условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанный съездом партии, является целесообразным? Само собою разумеется, что о конкретных условиях, вроде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет возможности, и резолюция, естественно, отказывается от предварительного определения этих условий. Ни один разумный человек не возьмется предсказывать что-либо насчет интересующего нас вопроса в настоящий момент. Можно и должно определить характер и цель нашего участия, Резолюция и делает это, указывая две цели участия: 1) беспощадную борьбу с контрреволюционными попытками и 2) отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса. В то время как либеральные буржуа начинают усердно разговаривать о психологии реакции (см. поучительнейшее «Открытое письмо» г. Струве в № 71 «Освобождения»), стараясь запугать революционный народ и побудить его к уступчивости по отношению к самодержавию, — в это время особенно уместно со стороны партии пролетариата напомнить о задаче настоящей войны с контрреволюцией. Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе почти непрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия социал-демократии во временном революционном правительстве (строгий контроль партии за ее уполномоченными), другое — самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху», — этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы, — резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на временное революционное правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен, — ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны, — и руководим социал-демократией. Цель его вооруженного давления — «охрана, упрочение и расширение завоеваний революции», т. е. тех завоеваний,

которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы-минимум.

Этим мы закончим краткий разбор резолюции III съезда о временном революционном правительстве. Как видит читатель, резолюция эта выясняет и значение нового вопроса, и отношение к нему партии пролетариата, и политику партии как изнутри временного революционного правительства, так и извне его.

Посмотрим теперь на соответствующую резолюцию «конференции».

3. Что такое «Решительная победа революции над царизмом»?

Резолюция «конференции» посвящена вопросу «о *завоевании власти и участии во временном правительстве*»⁵. Уже в этой постановке вопроса кроется, как мы указывали, путаница. С одной стороны, вопрос ставится узко: только о нашем участии во временном правительстве, а не вообще о задачах партии по отношению к временному революционному правительству. С другой стороны, смешиваются два совершенно разнородных вопроса: о нашем участии в одной из стадий *демократического* переворота и о *социалистическом* перевороте. В самом деле, «завоевание власти» социал-демократией есть именно социалистический переворот и не может быть ничем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении. А если понимать их в смысле завоевания власти не для социалистического, а для демократического переворота, то тогда какой смысл говорить не только об участии во временном революционном правительстве, но и о «завоевании власти» *вообще*? Очевидно, наши «конференцы» сами хорошенько не знали, о чем собственно им следует говорить: о демократическом или о социалистическом перевороте. Кто следил за литературой вопроса, тот знает, что начало этой путанице положил тов. Мартынов в его знаменитых «Двух диктатурах»: новоискровцы неохотно вспоминают о постановке вопроса, данной (еще до 9-го января) в этом образцово-хвостистском произведении, но его идейное влияние на конференцию не подлежит сомнению.

Но оставим в стороне заглавие резолюции. Ее содержание показывает нам ошибки, несравненно более глубокие и серьезные. Вот первая часть ее:

«Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Итак, нам говорят, что решительной победой революции над царизмом может быть и победоносное восстание и... решение представительного учреждения организовать учредительное собрание! Что это? как это? Решительная победа может быть ознаменована «решением» организовать учредительное собрание?? И такая «победа» ставится рядом с учреждением временного правительства, «вышедшего из победоносного народного восстания»!! Конференция не заметила, что *победоносное* народное восстание и *учреждение* временного правительства означает победу революции *на деле*, а «решение» организовать учредительное собрание означает победу революции лишь *на словах*.

Конференция меньшевиков-новоискровцев впала в ту самую ошибку, в которую постоянно впадают либералы, освободенцы. Освободенцы фразерствуют об «учредительном» собрании, стыдливо закрывая глаза на сохранение силы и власти в руках царя, забывая, что

⁵ Полный текст этой резолюции читатель может восстановить по цитатам, приведенным на стр. 400, 403–404, 407, 431 и 433–434 данной брошюры. (Примечание автора к изданию 1907 г. См. настоящий том, стр. 20, 25–26, 31, 67, 71. *Ред.*)

для «учреждения» нужно иметь *силу* учредить. Конференция тоже забыла, что от «решения» каких угодно представителей до осуществления этого решения еще далеко. Конференция тоже забыла, что, пока власть остается в руках царя, любые решения каких угодно представителей останутся такой же пустой и жалкой болтовней, какой оказались «решения» знаменитого в истории германской революции 1848 года Франкфуртского парламента. Представитель революционного пролетариата, Маркс, в своей «Новой Рейнской Газете»^[10] за то и бичевал беспощадными сарказмами франкфуртских либеральных «освободителей», что они говорили хорошие слова, принимали всякие демократические «решения», «учреждали» всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля, не организовали вооруженной борьбы с военной силой, бывшей в распоряжении короля. И пока франкфуртские освободители болтали, – король выждал время, укрепил свои военные силы, и контрреволюция, опираясь на реальную силу, разбила наголову демократов со всеми их прелестными «решениями».

Конференция приравнивала к решительной победе то, в чем как раз недостает решительного условия победы. Каким образом могли социал-демократы, признающие республиканскую программу нашей партии, впасть в эту ошибку? Чтобы понять это странное явление, надо обратиться к резолюции III съезда об отколовшейся части партии⁶. В этой резолюции указывается на переживание в нашей партии разных «родственных «экономизму»» течений. Наши конференты (недаром, верно, они находятся под идейным руководством Мартынова) рассуждают о революции совершенно в том же духе, как «экономисты» рассуждали о политической борьбе или 8-часовом рабочем дне. «Экономисты» сейчас же пускали в ход «теорию стадий»: 1) борьба за права; 2) политическая агитация; 3) политическая борьба, – или 1) 10-часовой рабочий день; 2) 9-часовой; 3) 8-часовой. Какие результаты получались от этой «тактики-процесса», всем достаточно известно. Теперь нам предлагают и революцию наперед разделить хорошенько на стадии: 1) царь созывает представительное учреждение; 2) это представительное учреждение «решает» под давлением «народа» организовать учредительное собрание; 3)... о третьей стадии меньшевики еще не столковались; они забыли, что революционное давление народа встречает контрреволюционное давление царизма и что поэтому либо «решение» остается неосуществленным, либо дело решает опять-таки победа или поражение народного восстания. Резолюция конференции точь-в-точь похожа на такое рассуждение «экономистов»: решительная победа рабочих может быть ознаменована либо революционным осуществлением 8-часового рабочего дня, либо дарованием десятичасового рабочего дня и «решением» перейти к девятичасовому... Точь-в-точь то же самое.

Нам могут возразить, пожалуй, что авторы резолюции не имели в виду *приравнивать* победу восстания к «решению» представительного учреждения, созванного царем, что они хотели лишь предусмотреть тактику партии в том и в другом случае. Мы ответим на это:

⁶ Приводим полный текст этой резолюции: «Съезд констатирует, что в РСДРП со времени ее борьбы с «экономизмом» сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют несоответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации-процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократически-революционном правительстве. Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

1) текст резолюции прямо и недвусмысленно называет «решительной победой революции над царизмом» *решение* представительного учреждения. Может быть, это результат небрежной редакции, может быть, ее можно бы исправить на основании протоколов, но пока она не исправлена, смысл этой редакции может быть только один, и смысл этот всецело *освобожденский*. 2) «Освобожденский» ход мысли, в который впали авторы резолюции, еще несравненно рельефнее выступает в других литературных произведениях новоискровцев. Напр., в органе Тифлиссского комитета «Социал-Демократ»^[11] «на грузинском языке; расхвален «Искрой» в № 100) статья «Земский собор и наша тактика» договаривается прямо до того, что «тактика», «избирающая центром нашего действия Земский собор» (о созыве которого, добавим от себя, мы еще ничего точного не знаем!), «*выгоднее для нас*», чем «тактика» вооруженного восстания и учреждения временного революционного правительства. Мы ниже еще вернемся к этой статье. 3) Нельзя ничего иметь против предварительного обсуждения тактики партии и на случай победы революции и на случай поражения ее, и на случай успеха восстания и на тот случай, если восстание не сможет разгореться в серьезную силу. Возможно, что царскому правительству удастся созвать представительное собрание в целях сделки с либеральной буржуазией, – резолюция III съезда, предусматривая это, говорит прямо о «лицемерной политике», о «псевдодемократизме», о «карикатурных формах народного представительства вроде так называемого Земского собора»⁷. Но в том-то и дело, что это говорится не в резолюции о временном революционном правительстве, ибо к временному революционному правительству это не имеет отношения. Этот случай отодвигает проблему восстания и учреждения временного революционного правительства, видоизменяет ее и т. д. Речь же идет теперь не о том, что возможны всякие комбинации, что возможна и победа и поражение, и прямые пути и окольные, – речь идет о том, что непозволительно социал-демократу вносить путаницу в представление рабочих о действительно революционном пути, что непозволительно по-освобожденски называть решительной победой то, в чем не достает *основного* условия победы. Возможно, что и восьмичасовой рабочий день мы получим не сразу, а лишь долгим окольным путем, но что вы скажете о человеке, который победой рабочих назовет такое бессилие, такую слабость пролетариата, при которых он *не в силах* будет помешать проволочкам, отсрочкам, торгашеству, измене и реакции? Возможно, что русская революция кончится «конституционным выкидышем», как сказал однажды «Вперед»⁸, но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне решительной борьбы стал называть этот выкидыш «решительной победой над царизмом»?

⁷ Вот текст этой резолюции об отношении к тактике правительства накануне переворота. «Принимая во внимание, что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем 1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы; 2) с той же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдодемократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского собора; 3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа, – III съезд РСДРП постановляет предложить всем партийным организациям: а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы – с другой; б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов; в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса; г) организовать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

⁸ Женевская газета «Вперед» начала выходить в январе 1905 г. как орган большевистской части партии. С января по май вышло 18 номеров. С мая начал выходить вместо «Вперед» – «Пролетарий» как Центральный Орган РСДРП в силу решения III съезда РСДРП (этот съезд состоялся в мае в Лондоне; меньшевики не явились, устроив свою «конференцию» в Женеве). (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

Возможно, на худой конец, что не только республики мы не завоюем, но и конституция-то будет призрачная, «шиповская»^[12], но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушевывание нашего республиканского лозунга?

Конечно, до затушевывания его новоискровцы еще не дошли. Но до какой степени отлетел от них революционный дух, до какой степени безжизненное резонерство заслонило от них боевые задачи момента, это особенно наглядно видно из того, что в своей резолюции они как раз *позабыли* сказать о республике! Это невероятно, но это факт. Все лозунги социал-демократии подтверждены, повторены, разъяснены, детализированы в разных резолюциях конференции, не забыт даже выбор рабочими по заведениям старост и депутатов, — не нашлось только случая в резолюции о временном революционном правительстве вспомнить о республике. Говорить о «победе» народного восстания, об учреждении временного правительства и не указать отношение этих «шагов» и актов к завоеванию республики — значит писать резолюцию не для руководства борьбой пролетариата, а для ковыляния в хвосте пролетарского движения.

Итог: первая часть резолюции: 1) совершенно не выяснила значения временного революционного правительства с точки зрения борьбы за республику и обеспечения действительно всенародного и действительно учредительного собрания; 2) внесла прямую путаницу в демократическое сознание пролетариата, приравнявая к решительной победе революции над царизмом такое положение дел, когда как раз не достает еще основного условия для настоящей победы.

4. Ликвидация монархического строя и республика

Перейдем к следующей части резолюции:

«...И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе объективными условиями общественного развития, является кончателная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

Поэтому и временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя».

Остановимся на этой части, которая представляет из себя самостоятельный отдел резолюции. Основная мысль выписанных нами рассуждений совпадает с той, которая изложена в 3 пункте съездовской резолюции. Но при сличении обеих резолюций в этой их части сразу бросается в глаза следующее коренное различие между ними. Резолюция съезда, в двух словах характеризуя общественно-экономическую основу революции, все внимание переносит на резко определенную борьбу классов из-за определенных завоеваний и на первый план выдвигает боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции, длинно, туманно и путано описывая общественно-экономическую основу революции, очень неясно говорит о борьбе за определенные завоевания и абсолютно оставляет в тени боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции говорит о ликвидации старого порядка в процессе взаимной борьбы между элементами общества. Резолюция съезда говорит, что мы, партия пролетари-

ата, должны произвести эту ликвидацию, что настоящая ликвидация есть только учреждение демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будем бороться за нее и за полную свободу не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет (а она непременно будет) пытаться отнять у нас наши завоевания. Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая – пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая – мертвенным резонерством. Обе резолюции заявляют, что происходящий переворот для нас только первый шаг, за которым пойдет второй, но отсюда одна резолюция делает тот вывод, что надо тем скорее пройти этот первый шаг, тем скорее ликвидировать его, завоевать республику, беспощадно раздавить контрреволюцию и создать почву для второго шага. А другая резолюция, так сказать, истекает в многоречивых описаниях этого первого шага и (простите за вульгарное выражение) сосет мысли по поводу него. Резолюция съезда берет старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота), как предисловие или первую посылку для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции так и остается при одном предисловии, жуя его и умничая по поводу него.

Это различие и есть как раз то самое различие, которое издавна разбивает русских марксистов на два крыла: резонерское и боевое крыло в былые времена легального марксизма, экономическое и политическое в эпоху начинающегося массового движения. Из верной посылки марксизма о глубоких экономических корнях классовой борьбы вообще и политической борьбы в особенности «экономисты» делали тот оригинальный вывод, что надо повернуться спиной к политической борьбе и задерживать ее развитие, суживать ее размах, принижать ее задачи. Политики, наоборот, делали из тех же посылок иной вывод, именно: что чем глубже теперь корни нашей борьбы, тем шире, смелее, решительнее, инициативнее должны мы вести эту борьбу. В иной обстановке, в видоизмененной форме перед нами и теперь тот же спор. Из тех посылок, что демократический переворот отнюдь еще не есть социалистический, что он «интересует» отнюдь не одних только неимущих, что его глубочайшие корни лежат в неотвратимых нуждах и потребностях *всего* буржуазного общества в целом, – из этих посылок мы делаем вывод, что тем смелее должен передовой класс ставить свои демократические задачи, тем резче должен он договаривать их до конца, выставлять непосредственный лозунг республики, пропагандировать идею о необходимости временного революционного правительства, о необходимости беспощадно раздавить контрреволюцию. А наши оппоненты, новоискровцы, делают из этих же посылок то заключение, что не следует договаривать до конца демократических выводов, что можно среди практических лозунгов и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временного революционного правительства, что решительной победой можно назвать и решение о созыве учредительного собрания, что задачу борьбы с контрреволюцией можно не выдвигать как нашу активную задачу, а потопить ее в туманной (и неправильно сформулированной, как мы сейчас увидим) ссылке на «процесс взаимной борьбы». Это не язык политических деятелей, это – язык каких-то архивных заседателей!

И чем внимательнее вы рассмотрите отдельные формулировки новоискровской резолюции, тем нагляднее выступят перед вами указанные основные ее особенности. Нам говорят, напр., о «процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества». Памятуя тему, на которую резолюция писалась (временное революционное правительство), мы с недоумением спрашиваем: если уже говорить о процессе взаимной борьбы, то как же можно умолчать об элементах, политически *порабощающих* буржуазное общество? Думают ли конференты, что раз они предположили победу революции,

то такие элементы уже исчезли? Подобная мысль была бы абсурдом вообще и величайшей политической наивностью, политической близорукостью в частности. После победы революции над контрреволюцией, контрреволюция не исчезнет, а, напротив, неизбежно начнет новую, еще более отчаянную борьбу. Посвящая свою резолюцию разбору задач при победе революции, мы обязаны громадное внимание уделить задачам отражения контрреволюционного натиска (как это и сделано в резолюции съезда), а не топить эти ближайшие, насущные, злободневные политические задачи боевой партии в общих рассуждениях о том, что́ будет *после* теперешней революционной эпохи, что́ будет тогда, когда будет уже налицо «политически освобожденное общество». Как «экономисты» ссылками на общие истины о подчинении политики экономике прикрывали свое непонимание злободневных политических задач, так новоискровцы своими ссылками на общие истины о борьбе внутри политически *освобожденного* общества прикрывают свое непонимание злободневных революционных задач политического *освобождения* этого общества.

Возьмите выражение: «окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима». На русском языке окончательная ликвидация монархического строя называется учреждением демократической республики. Но нашему доброму Мартынову и его поклонникам такое выражение кажется слишком простым и ясным. Они непременно хотят «углубить» и сказать «поумнее». Получаются смешные потуги на глубокомыслие, с одной стороны. А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва идти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревеневшие мумии, которые *sub specie aeternitatis*⁹ рассматривают вопрос с точки зрения *plusquamperfectum*¹⁰.

Пойдем дальше: «... временное правительство... взяло бы на себя осуществление задач этой... буржуазной революции...». Вот тут сразу и сказалось, что наши конференты просмотрели конкретный вопрос, вставший перед политическими руководителями пролетариата. Конкретный вопрос о временном революционном правительстве стушевался с их поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, которые осуществят задачи буржуазной революции вообще. Если вы желаете рассматривать вопрос «исторически», то пример любой европейской страны покажет вам, что именно ряд правительств, вовсе не «временных», осуществлял исторические задачи буржуазной революции, что даже правительства, побеждавшие революцию, вынуждены были все-таки осуществить исторические задачи этой побежденной революции. Но «временным революционным правительством» называется вовсе не то, о чем вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не на какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа. Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контрреволюционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще. Предоставим, господа, будущим историкам в будущей «Русской Старине»^[13] определять, какие именно задачи буржуазной революции осуществили мы с вами или то или иное правительство, — это дело успеют сделать и через 30 лет, а нам теперь надо дать лозунги и практические указания для борьбы за республику и для энергичнейшего участия пролетариата в этой борьбе.

По указанным причинам неудовлетворительны и последние положения выписанной нами части резолюции. Крайне неудачно или, по меньшей мере, неловко выражение, что временное правительство должно было бы «регулировать» взаимную борьбу между проти-

⁹ С точки зрения вечности. *Ред.*

¹⁰ Давно прошедшего. *Ред.*

воположными классами: марксистам не следовало бы употреблять такой либерально-освободительской формулировки, дающей повод думать, будто возможны правительства, служащие не органом классовой борьбы, а «регулятором» ее... Правительство должно было бы «не только двигать вперед революционное развитие, ко и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя». Этим «фактором» является как раз тот самый пролетариат, от имени которого говорит резолюция! Вместо указания того, как именно должен пролетариат в данный момент «двигать вперед революционное развитие» (подвигать его дальше, чем хотела бы идти конституционалистская буржуазия), вместо совета готовиться определенным способом к борьбе с буржуазией, когда она повернет против завоеваний революции, – вместо этого нам дают общее описание процесса, ничего не говорящее о конкретных задачах *нашей* деятельности. Способ изложения своих мыслей новоискрывцами напоминает отзыв Маркса (в его знаменитых «тезах» о Фейербахе) о старом, чуждом идеи диалектики, материализме. Философы только *истолковывали* мир различным образом – говорил Маркс – а дело в том, чтобы *изменять* этот мир^[14]. Так и новоискровцы могут сносно описывать и объяснять процесс происходящей у них на глазах борьбы, но совершенно не могут дать правильного лозунга в этой борьбе. Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов.

5. Как следует «двигать революцию вперед»?

Приводим дальнейший отдел резолюции:

«При таких условиях социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет ей рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит ее от растворения в буржуазной демократии.

Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Совет занять положение, наилучшее обеспечивающее возможность двигать революцию вперед, нам очень и очень нравится. Мы бы желали только, чтобы кроме этого доброго совета было налицо и прямое указание, как именно сейчас, при данной политической ситуации, в эпоху толков, предположений, разговоров и проектов созыва народных представителей, следует социал-демократии двигать революцию вперед. Может ли теперь двигать революцию вперед тот, кто не понимает опасности освободительской теории «соглашения» народа с царем, кто называет победой одно «решение» созвать учредительное собрание, кто не ставит задачей активную пропаганду идеи о необходимости временного революционного правительства? кто оставляет в тени лозунг демократической республики? Такие люди на самом деле *двигают революцию назад*, потому что в *практически-политическом* отношении они остановились на уровне *освободительской* позиции. Что толку от признания ими программы, требующей замены самодержавия республикой, когда в тактической резолюции, определяющей настоящие и ближайшие задачи партии в революционный момент, лозунг борьбы за республику отсутствует? Ведь именно освободительская позиция, позиция конституционалистской буржуазии характеризуется теперь фактически тем, что в решении созвать всенародное учредительное собрание усматривается решительная победа, а о вре-

менном революционном правительстве и о республике благоразумно умалчивается! Чтобы двигать революцию *вперед*, т. е. дальше того предела, до которого двигает ее монархическая буржуазия, надо активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый план лозунги, *исключающие* «непоследовательность» буржуазной демократии. Таких лозунгов в настоящий момент есть *только два*: 1) временное революционное правительство и 2) республика, потому что лозунг всенародного учредительного собрания *воспринят* монархической буржуазией (смотри программу «Союза освобождения») и воспринят именно в интересах эскамотирования революции, в интересах недопущения полной победы революции, в интересах торгашеской сделки крупной буржуазии с царизмом. И вот мы видим, что конференция из этих двух, единственно способных двигать революцию вперед, лозунгов лозунг республики вовсе позабыла, а лозунг временного революционного правительства прямо приравняла к освобожденскому лозунгу всенародного учредительного собрания, назвав «решительной победой революции» и то и другое!!

Да, таков несомненный факт, который послужит, мы уверены, вехой для будущего историка российской социал-демократии, Конференция социал-демократов в мае 1905 года принимает резолюцию, которая говорит хорошие слова о необходимости двигать демократическую революцию вперед и которая на деле двигает ее назад, которая на деле не идет дальше демократических лозунгов монархической буржуазии.

Новоискровцы любят упрекать нас в том, что мы игнорируем опасность растворения пролетариата в буржуазной демократии. Мы бы хотели посмотреть на того, кто предпринял бы доказать этот упрек на основании текста резолюций, принятых III съездом РСДРП, Мы ответим нашим оппонентам: социал-демократия, действующая на почве буржуазного общества, не может участвовать в политике, не идя то в том, то в другом отдельном случае *рядом* с буржуазной демократией. Разница между нами и вами при этом та, что мы идем рядом с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идете рядом с *либеральной и монархической буржуазией*, тоже не сливаясь с ней. *Вот как обстоит дело.*

Ваши тактические лозунги, данные от имени конференции, *совпадают* с лозунгами «конституционно-демократической» партии, т. е. *партии монархической буржуазии*, причем вы не заметили, не сознали этого совпадения, оказавшись, таким образом, фактически *в хвосте освобождения*.

Наши тактические лозунги, данные от имени III съезда РСДРП, совпадают с лозунгами демократически-революционной и республиканской буржуазии. Такая буржуазия и мелкая буржуазия еще не сложилась в крупную народную партию в России¹¹. Но в существовании элементов ее может усомниться лишь тот, кто понятия не имеет о том, что происходит теперь в России. Мы намерены руководить (на случай успешного хода великой русской революции) не только пролетариатом, организованным с.-д. партией, но и этой мелкой буржуазией, способной идти рядом с нами.

Конференция своей резолюцией бессознательно *опускается* до уровня либеральной и монархической буржуазии. Съезд партии своей резолюцией сознательно *поднимает* до своего уровня способные на борьбу, а не на маклерство, элементы революционной демократии.

Таких элементов больше всего среди крестьянства. Без большой ошибки, при распределении крупных общественных групп по их политическим тенденциям, мы можем отождествить революционную и республиканскую демократию с массой крестьянства, — разумеется, в том же смысле, с теми же оговорками и подразумеваемыми условиями, с какими можно отождествлять рабочий класс с социал-демократией. Мы можем, другими словами,

¹¹ «Социалисты-революционеры» скорее террористическая интеллигентская группа, чем зародыш такой партии, хотя объективное значение деятельности этой группы сводится именно к осуществлению задач революционной и республиканской буржуазии.

формулировать наши выводы также в следующих выражениях: конференция своими *общенациональными*¹² *политическими* лозунгами в революционный момент бессознательно *опускается до уровня массы помещиков*. Съезд партии своими общенациональными политическими лозунгами *поднимает до революционного уровня крестьянскую массу*. Тому, кто обвинит нас за этот вывод в пристрастии к парадоксам, мы сделаем вызов: пусть опровергнет он то положение, что, если мы не будем в силах довести революцию до конца, если революция *закончится* по-освободженски «решительной победой» в виде одного лишь созванного царем представительного собрания, которое только в насмешку могло бы быть названо учредительным, – тогда это будет революция с преобладанием элемента *помещичьего и крупнобуржуазного*. Наоборот, если суждено нам пережить действительно великую революцию, если история на этот раз не допустит «выкидыша», если мы в силах будем довести революцию до конца, до решительной победы не в освободженском и не в новоискровском смысле слова, тогда это будет революция с преобладанием элемента крестьянского и пролетарского.

Может быть, некоторые увидят в допущении мысли о таком преобладании отказ от убеждения в буржуазном характере предстоящей революции? Это очень возможно при том злоупотреблении этим понятием, которое мы видим в «Искре». Поэтому остановиться на этом вопросе очень нелишне.

6. Откуда грозит пролетариату опасность оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией?

Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, – сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии как класса. Социалисты-революционеры не могут понять этой идеи, потому что они не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства, они не видят того, что даже полный успех крестьянского восстания, даже перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («черный передел» или что-нибудь в этом роде) нисколько не уничтожит капитализма, а, напротив, даст толчок его развитию и ускорит классовое распадение самого крестьянства. Непонимание этой истины делает из социалистов-революционеров бессознательных идеологов мелкой буржуазии. Настаивание на этой истине имеет для социал-демократии огромное значение не только теоретическое, но и практически-политическое, ибо отсюда вытекает обязательность полной классовой самостоятельности партии пролетариата в настоящем «общедемократическом» движении.

Но из этого отнюдь не вытекает, чтобы *демократический* переворот (буржуазный по своему общественно-экономическому содержанию) не представлял *громадного* интереса для пролетариата. Из этого отнюдь не вытекает, чтобы демократический переворот не мог произойти и в форме, выгодной преимущественно для крупного капиталиста, финансового туза, «просвещенного» помещика, и в форме, выгодной для крестьянина и для рабочего.

Новоискровцы в корне неправильно понимают смысл и значение категории: буржуазная революция. В их рассуждениях постоянно сквозит мысль, будто буржуазная революция есть такая революция, которая может дать лишь то, что выгодно буржуазии. А между

¹² Мы не говорим о специальных крестьянских лозунгах, которым посвящены особые резолюции.

тем ничего нет ошибочнее такой мысли. Буржуазная революция есть такая революция, которая не выходит из рамок буржуазного, т. е. капиталистического общественно-экономического строя. Буржуазная революция выражает потребности развития капитализма, не только не уничтожая его основ, а, напротив, расширяя и углубляя их. Эта революция выражает поэтому интересы не только рабочего класса, но и всей буржуазии. Так как господство буржуазии над рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к старореформенской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме. Теоретически эта мысль представляет из себя забвение азбучных положений марксизма о неизбежности развития капитализма на почве товарного производства. Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма, Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма.

Все эти положения марксизма доказаны и разжеваны со всей подробностью как вообще, так и специально по отношению к России. А из этих положений следует, что *реакционная* мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс *безусловно заинтересован* поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу безусловно *выгодно* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Поэтому *буржуазная, революция в высшей степени выгодна пролетариату*. Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что *в известном смысле* буржуазная революция *более выгодна* пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предаст дело свободы, что буржуазия не способна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше

развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям.

Вот почему наша буржуазно-либеральная печать не по одним только цензурным соображениям, не только страха ради иудейска оплакивает возможность революционного пути, боится революции, пугает царя революцией, заботится об избежании революции, холопствует и низкопоклонствует ради жалких реформ как основы реформаторского пути. На этой точке зрения стоят не только «Русские Ведомости»^[15], «Сын Отечества»^[16], «Наша Жизнь»^[17], «Наши Дни»^[18], но и нелегальное, свободное «Освобождение». Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир^[19]. Поэтому, чем последовательнее буржуазная революция в ее демократических преобразованиях, тем менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты, «запрашивающий» всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку заключающий с царизмом сделку насчет куцей конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, «наивно-республикански» предлагающий «прогнать царя»¹³, есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии; такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничивался бы «умничаньем» насчет того, что все же это «буржуазная революция», плоды «буржуазной революции».

¹³ См. «Освобождение» № 71, с. 337, прим. 2.

А ведь именно таких умников, важничающих своей близорукостью, представляют из себя наши новоискровцы. Они как раз ограничиваются рассуждениями о буржуазном характере революции там и тогда, где надо уметь провести разницу между республикански-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией, не говоря уже о разнице между непоследовательным буржуазным и последовательным пролетарским демократизмом. Они удовлетворяются, – точно они и в самом деле стали «человеками в футляре»^[20], – меланхолическим разговором о «процессе взаимной борьбы противоположных классов», когда речь идет о том, чтобы дать *демократическое руководство* в настоящей революции, чтобы подчеркнуть *передовые демократические лозунги* в отличие от предательских лозунгов г-на Струве и К^о, чтобы указать прямо и резко ближайшие задачи действительно революционной борьбы пролетариата и крестьянства в отличие от либерального маклерства помещиков и фабрикантов. В этом теперь суть вопроса, которую вы прозевали, господа: в том, завершится ли наша революция действительно грандиозной победой или лишь жалкой сделкой, дойдет ли она до революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или «истечет силами» на либерально-шиповской конституции!

Может показаться на первый взгляд, что, ставя этот вопрос, мы совсем уклоняемся в сторону от нашей темы. Но так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле, именно в этом вопросе лежит корень того принципиального расхождения, которое вполне обрисовалось уже теперь между социал-демократической тактикой III съезда Российской социал-демократической рабочей партии и тактикой, установленной на конференции новоискровцев. Эти последние сделали уже теперь не два, а три шага назад, воскресив ошибки «экономизма» при решении несравненно более сложных, более важных и более жизненных для рабочей партии вопросов ее тактики в момент революции. Вот почему на разборе поставленного вопроса нам необходимо остановиться со всем вниманием.

В выписанной нами части новоискровской резолюции содержится указание на опасность того, как бы социал-демократия не связала себе рук в борьбе с непоследовательной политикой буржуазии, как бы она не растворилась в буржуазной демократии. Мысль об этой опасности проходит красной нитью через всю специфически-новоискровскую литературу, эта мысль есть настоящий гвоздь всей принципиальной позиции в нашем партийном расколе (с тех пор, как элементы дразги в этом расколе отошли совершенно на задний план перед элементами поворота к «экономизму»), И мы без всяких обиняков признаем, что эта опасность действительно существует, что именно теперь, в разгар русской революции, эта опасность стала особенно серьезна. На нас всех, теоретиков или – про себя я предпочел бы сказать – публицистов социал-демократии, ложится неотложная и чрезвычайно ответственная задача разобрать, *с которой стороны* грозит на самом деле эта опасность. Ибо источник нашего разногласия заключается не в споре о том, существует ли такая опасность, а в споре о том, порождает ли ее так называемый хвостизм «меньшинства» или так называемый революционаризм «большинства».

Чтобы устранить кривотолки и недоразумения, заметим, прежде всего, что опасность, о которой мы говорим, лежит не в субъективной, а в объективной стороне дела, не в формальной позиции, которую займет социал-демократия в борьбе, а в материальном исходе всей теперешней революционной борьбы. Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются, – об этом нет и речи. Подобного желания мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные социал-демократические группы свою формальную самостоятельность, особность, независимость от буржуазной демократии на всем протяжении революции. Они могут не только заявить об этой «самостоятельности», но и сохранить ее формально, и тем не менее *дело может выйти так*, что у них окажутся связанными руки в борьбе с непоследо-

вательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что в общем и целом, в последнем счете, в окончательном итоге, «растворение» ее в буржуазной демократии все же будет историческим фактом.

Вот в чем состоит действительная опасность. И теперь посмотрим, с которой стороны грозит она: от уклонения ли социал-демократии вправо в лице новой «Искры», как думаем мы, или от уклонения ее влево в лице «большинства», «Впереда» и т. д., как думают новоискровцы.

Решение этого вопроса, как мы указали, определяется объективным сочетанием действия различных общественных сил. Характер этих сил определен теоретически марксистским анализом русской действительности, а теперь он определяется практически открытым выступлением групп и классов в ходе революции. И вот, весь теоретический анализ, задолго до переживаемой эпохи произведенный марксистами, и все практические наблюдения над развитием революционных событий показывают нам, что возможен, с точки зрения объективных условий, двоякий ход и исход революции в России. Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «своекорыстными» элементами буржуазии. Все бесконечное разнообразие деталей и комбинаций, предвидеть которые никто не в состоянии, сводится, в общем и целом, именно к тому или другому из этих двух исходов.

Рассмотрим теперь эти исходы, во-первых, с точки зрения их социального значения, и, во-вторых, с точки зрения положения социал-демократии (ее «растворения» или «связанности рук» ее) при том и другом исходе.

Что такое «решительная победа революции над царизмом»? Мы видели уже, что, употребляя это выражение, новоискровцы не понимают его даже в его ближайшем политическом значении. Еще менее заметно у них понимания классового содержания этого понятия. Ведь мы, марксисты, никоим образом не должны позволять себе обольщаться *словами*: «революция» или «великая русская революция», как обольщаются ими теперь многие революционные демократы (вроде Гапона). Мы должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят «царизму» (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать «решительную победу» над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, «общество», идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они не способны, по своему классовому положению, на решительную борьбу с царизмом: слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм с его полицейски-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма. Нет, силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только *народ*, то есть пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*. От этого вывода, давно указанного

«Впередом», никуда не уйдут наши новоискровцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом.

И такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные, «легальным», «мирным путем», созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня, наконец, *last but not least*¹⁴ – перенести революционный пожар в Европу. Такая победа нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции.

Насколько вероятна такая победа – вопрос другой. Мы вовсе не склонны к безрассудному оптимизму на этот счет, мы вовсе не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь указать настоящий путь к ней. Тенденции, способные привести к этой победе, неоспоримо есть налицо. Правда, наше, социал-демократическое, влияние на массу пролетариата еще очень и очень недостаточно; революционное воздействие на массу крестьянства совсем ничтожно; разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но революция быстро сплавливает и быстро просвещает. Каждый шаг в ее развитии пробуждает массу и с неудержимой силой привлекает ее именно на сторону революционной программы, как единственной, выражающей последовательно и цельно ее настоящие, кровные интересы.

Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной «надстройкой» и живыми силами современной эпохи. И международная политическая ситуация складывается во многих отношениях как нельзя более выгодно для русской революции. Восстание рабочих и крестьян уже началось, оно раздроблено, стихийно, слабо, но оно неоспоримо и безусловно доказывает наличность сил, способных на решительную борьбу и идущих к решительной победе.

Не хватит этих сил, – тогда царизм успеет заключить сделку, которую и готовят уже с двух концов и господа Булыгины и господа Струве. Тогда кончится дело куцей конституцией или даже – на худой из худых концов – пародией на нее. Это будет тоже «буржуазная революция», только выкидыш, недоносок, ублюдок. Социал-демократия не делает себе иллюзий, она знает предательскую натуру буржуазии, она не падет духом и не бросит своей упорной, терпеливой, выдержанной работы над классовым воспитанием пролетариата даже в самые серые будни буржуазно-конституционного «шиповского» благоденствия. Такой исход был

¹⁴ Последнее по счету, но не по важности.

бы более или менее похож на исход всех почти демократических революций в Европе в течение XIX века, и наше партийное развитие пошло бы тогда по трудной, тяжелой, долгой, но знакомой и проторенной дорожке.

Спрашивается теперь, при котором же из этих двух возможных исходов социал-демократия окажется фактически со связанными руками против непоследовательной и своекорыстной буржуазии? окажется фактически «растворившейся» или почти растворившейся в буржуазной демократии?

Достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы, не затрудняясь ни на минуту, ответить на него.

Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом, – тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии, – тогда социал-демократия окажется «растворившейся» в буржуазной демократии в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, «по-плебейски» разделаться с царизмом.

Удастся решительная победа революции, – тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски. «Весь французский терроризм, – писал Маркс в знаменитой «Новой Рейнской Газете» в 1848 г., – был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством» (см. Marx' Nachlass, издание Меринга, том III, стр. 211)^[21]. Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом «якобинизма» в эпоху демократической революции?

Жирондисты современной русской социал-демократии, новоискровцы, не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них. А освобожденцы, т. е. представители либеральной буржуазии, хотят разделаться с самодержавием мягко, по-реформаторски, – уступчиво, не обижая аристократии, дворянства, двора, – осторожно, без всякой ломки, – любезно и вежливо, по-барски, надевая белые перчатки (вроде тех, которые надел с рук башибузука г. Петрункевич на приеме «представителей народа» (?) Николаем Кровавым^[22], см. «Пролетарий» № 5¹⁵).

Якобинцы современной социал-демократии, – большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж, как сказать, – хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа – программа-минимум Российской социал-демократической рабочей партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие раз-

¹⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 298–303. Ред.

делялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы.

Только в случае полной победы демократической революции у пролетариата не будут связаны руки в борьбе против непоследовательной буржуазии, только в этом случае он не «растворится» в буржуазной демократии, а наложит на всю революцию свой пролетарский или, вернее, пролетарски-крестьянский отпечаток.

Одним словом: чтобы не оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазной демократией, пролетариат должен быть достаточно сознателен и силен, чтобы поднять до революционного самосознания крестьянство, чтобы руководить его натиском, чтобы, таким образом, самостоятельно провести последовательно-пролетарский демократизм.

Вот как стоит столь неудачно разрешенный новоискровцами вопрос об опасности остаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией. Буржуазия всегда будет непоследовательна. Нет ничего наивнее и бесплоднее попыток начертать условия или пункты^{16{149}}, при исполнении которых можно было бы считать буржуазную демократию нелицемерным другом народа. Последовательным борцом за демократизм может быть только пролетариат. Победоносным борцом за демократизм он может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства. Не хватит на это силы у пролетариата, – буржуазия окажется во главе демократической революции и придаст ей характер непоследовательный и своекорыстный. Помешать этому нет иного средства, кроме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Таким образом, мы приходим к несомненному выводу, что именно новоискровская тактика, по ее объективному значению, *играет на руку буржуазной демократии*. Проповедь организационной расплывчатости, доходящей до плебисцитов, до принципа соглашения, до оторванности партийной литературы от партии, – принижение задач вооруженного восстания, – смешение общенародных политических лозунгов революционного пролетариата и монархической буржуазии, – извращение условий «решительной победы революции над царизмом», – все это вместе взятое дает как раз ту политику хвостизма в революционный момент, которая сбивает с толку пролетариат, дезорганизует его и вносит смуту в его сознание, принижает тактику социал-демократии, вместо того, чтобы указывать единственный путь к победе и присоединять к лозунгу пролетариата все революционные и республиканские элементы народа.

* * *

Чтобы подтвердить этот вывод, к которому мы пришли на основании разбора резолюции, подойдем к тому же вопросу с других сторон. Посмотрим, во-первых, как иллюстрирует новоискровскую тактику простоватый и откровенный меньшевик в грузинском «Социал-Демократе». Посмотрим, во-вторых, кто пользуется на деле, в данной политической обстановке, лозунгами новой «Искры».

¹⁶ Как пробовал сделать Старовер в своей, отмененной III съездом, резолюции^{149} и как пробует конференция в не менее неудачной резолюции.

^{149} Имеется в виду резолюция А. Н. Потресова (Старовера) об отношении к либералам, принятая на II съезде РСДРП. Критику этой резолюции Ленин дал также в статье «Рабочая и буржуазная демократия» (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 179–189).

7. Тактика «Отстранения консерваторов от правительства»

Упомянутая нами выше статья в органе меньшевистского Тифлисского «комитета» («Социал-Демократ» № 1) называется «Земский собор и наша тактика». Автор ее не совсем забыл еще нашей программы, он выдвигает лозунг республики, но рассуждает он о тактике следующим образом:

«Для достижения этой цели (республики) можно указать два пути: или оставить совсем без внимания созываемый правительством Земский собор и с оружием в руках поразить правительство, составить революционное правительство и созвать учредительное собрание. Или – объявить Земский собор центром нашего действия, воздействуя с оружием в руках на его состав, на его деятельность, и силой заставить объявить себя учредительным собранием или через него созвать учредительное собрание. Эти две тактики очень резко разнятся друг от друга. Посмотрим же, которая из них выгоднее для нас».

Вот как русские новоискровцы излагают идеи, воплощенные впоследствии в разобранной нами резолюции. Это писано, заметьте, до Цусимы^[23], когда булыгинский «проект» совсем не показывался на свет божий. Даже либералы теряли терпение и выражали свое недоверие на страницах легальной печати, а социал-демократ-новоискровец оказался доверчивее либералов. Он объявляет, что Земский собор «созывается», и настолько верит царю, что этот несуществующий еще Земский собор (а, может быть, «Государственную думу» или «законосовещательный собор»?) предлагает взять центром нашего действия. Более открытый и прямолинейный, чем авторы резолюции, принятой на конференции, наш тифлисец не приравнивает обе «тактики» (излагаемые им с неподражаемой наивностью), а объявляет, что вторая «выгоднее». Слушайте:

«Тактика первая. Как вы знаете, предстоящая революция есть революция буржуазная, т. е. она направлена к такому изменению современного строя, в котором (изменении) заинтересован не только пролетариат, но и все буржуазное общество. В оппозиции к правительству стоят все классы, даже сами капиталисты. Борющийся пролетариат и борющаяся буржуазия в некотором смысле вместо идут и вместе нападают на самодержавие с разных сторон. Правительство здесь совсем одиноко и лишено сочувствия общества. Поэтому уничтожить¹⁷ его очень легко. Весь российский пролетариат не настолько еще сознателен и организован, чтобы один только он мог произвести революцию. Да если бы он мог это сделать, он произвел бы не буржуазную, а пролетарскую (социалистическую) революцию. Стало быть, в нашем интересе, чтобы правительство осталось без союзников, не могло разъединить оппозицию, не присоединило бы к себе буржуазию и не оставило бы пролетариат изолированным...».

Итак, в интересах пролетариата, чтобы царское правительство не могло разъединить буржуазии и пролетариата! Да не по ошибке ли назван грузинский орган «Социал-Демократом» вместо того, чтобы быть названным «Освобождением»? И заметьте, какая бесподобная философия демократической революции! Разве не видим мы здесь воочию, как бедный тифлисец окончательно сбит с толку резонерски-хвостистским толкованием понятия:

¹⁷ После слова «уничтожить» в рукописи следуют зачеркнутые два вопросительных знака в скобках, вставленные в цитату Лениным. *Ред.*

«буржуазная революция»? Он обсуждает вопрос о возможной изолированности пролетариата в демократическом перевороте и *забывает...* забывает о мелочи... о крестьянстве! Из возможных союзников пролетариата он знает и облюбовывает земцев-помещиков и не знает крестьян. И это на Кавказе! Ну, разве не правы мы были, сказав, что новая «Искра» своими рассуждениями опускается до монархической буржуазии вместо того, чтобы поднимать к себе в союзники революционное крестьянство?

«...В противном случае поражение пролетариата и победа правительства неизбежны. И вот самодержавие к этому именно и стремится. Оно, нет сомнения, в своем Земском соборе привлечет на свою сторону представителей дворянства, земств, городов, университетов и т. п. буржуазных учреждений¹⁸. Оно постарается задобрить их мелкими уступками и таким образом примирить их с собой. Подкрепленное таким образом оно направит все свои удары на оставшийся одиноким рабочий народ. Наша обязанность – предотвратить такой несчастный исход. Но разве можно это сделать первым путем? Положим, мы не обратили никакого внимания на Земский собор, а начали сами готовиться к восстанию и в один прекрасный день вышли вооруженные на улицу на борьбу. И вот, здесь перед нами не один, а два врага: правительство и Земский собор. В то время, как мы готовились, они успели сговориться¹⁹, войти в соглашение между собою, выработать выгодную для них конституцию и поделили между собою власть. Это прямо выгодная для правительства тактика, и мы должны самым энергичным образом отказаться от нее...».

Вот это откровенно! Надо отказаться решительно от «тактики» подготовки восстания, потому что «в это время» правительство войдет в сделку с буржуазией! Можно ли в старой литературе самого заядлого «экономизма» найти хоть что-либо, приближающееся к такому опозорению революционной социал-демократии? То здесь, то там происходящие восстания и вспышки рабочих и крестьян – факт. Земский собор – булыгинский посул. И «Социал-Демократ» из города Тифлиса решает: отказаться от тактики готовить восстание и ждать «центра воздействия» – Земского собора...

«...Вторая тактика, наоборот, заключается в том, чтобы поставить Земский собор под наш надзор, не дать ему возможности действовать по своей воле²⁰ и войти в соглашение с правительством²¹.

Мы поддерживаем Земский собор постольку, поскольку он борется с самодержавием, и боремся с ним в тех случаях, когда он примиряется с самодержавием. Энергичным вмешательством и силой мы разъединяем депутатов между собой²², радикалов присоединяем к себе²³, консерваторов отстраняем от правительства и таким образом весь²⁴ Земский собор ставим на революционный путь. Благодаря такой тактике правительство останется

¹⁸ Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «Дворянство, университеты и т. п. буржуазные учреждения! Надо вернуться к «Рабочей Мысли», чтобы встретить столь же девственно-вульгарный «марксизм»!». *Ред.*

¹⁹ Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «какое якобинство! «готовиться» к восстанию!». *Ред.*

²⁰ Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «ух! какая ррреволюционность!». *Ред.*

²¹ Какое же средство для этого лишения земцев своей воли? Не особая ли лакмусова бумажка?

²² Святители! вот она, «углубленная» тактика! На улице драться силы нет, а «депутатов разъединить» можно «силой». Послушайте, товарищ из Тифлиса, можно врать, но надо же знать меру...

²³ Далее в рукописи следует зачеркнутый текст Ленина: «бедный Струве! он ведь слывет радикалом! Какова участь – быть силой присоединенным к новоискровцам...». *Ред.*

²⁴ В рукописи далее следуют зачеркнутые слова Ленина: «слушайте! слушайте!». *Ред.*

постоянно одиноким, оппозиция²⁵ сильной, и тем облегчится установление демократического строя».

Да, да! Пусть говорят теперь, что мы преувеличиваем поворот новоискровцев к вульгарнейшему подобию «экономизма». Ведь это уже прямо вроде знаменитого порошка против мух: поймать муху, посыпать на нее, и околеет. Разъединить *силой* депутатов Земского собора, «отстранить консерваторов от правительства» – и *весь* Земский собор встанет на *революционный путь*... Без всякого «якобинского» вооруженного восстания, а так себе, благородно, почти по-парламентски, «воздействуя» на *членов Земского собора*.

Бедная Россия! Про нее говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента еще у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма^[24] сколько угодно.

«...Как должно произойти это вмешательство? Прежде всего, мы потребуем, чтобы Земский собор был созван путем всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Вместе с оглашением²⁶ такого порядка выборов должна быть узаконена²⁷ полная свобода предвыборной агитации, т. е. свобода собраний, слова, печати, неприкосновенность избирателей и избираемых и освобождение всех политических преступников. Сами выборы должны быть назначены как можно позже, чтобы у нас оказалось достаточно времени для ознакомления и подготовки народа. И так как выработка правил по созыву Собора поручена комиссии министра внутренних дел Булыгина, мы должны воздействовать и на эту комиссию и на ее членов²⁸. Если булыгинская комиссия откажется удовлетворить наши требования²⁹ и право избрания депутатов предоставит одним имущим, тогда мы должны вмешаться в эти выборы и революционным путем заставить избирателей выбрать передовых кандидатов и на Земском соборе потребовать учредительного собрания³⁰. Наконец, всевозможными мерами: демонстрациями, стачками и, если нужно будет, восстанием заставить Земский собор созвать учредительное собрание или объявить таковым себя. Защитником учредительного собрания должен быть вооруженный пролетариат, и оба вместе³¹ пойдут к демократической республике.

Такова социал-демократическая тактика и только она обеспечит нам победу».

Пусть не думает читатель, что весь этот невероятный вздор есть простая проба пера какого-либо неответственного и невлиятельного новоискровца. Нет, это говорится в *органе* целого комитета новоискровцев, Тифлисского. Мало того. Этот вздор *прямо одобрен «Искрой»*, в сотом номере которой мы читаем про этот «Социал-Демократ»:

²⁵ В рукописи далее следуют зачеркнутые слова Ленина: «без «отстраненных» консерваторов?». *Ред.*

²⁶ В «Искре»?

²⁷ Николаем?

²⁸ Вот что значит тактика: «отстранять консерваторов от правительства»!

²⁹ Не может этого быть при такой правильной и глубокомысленной тактике с нашей стороны!

³⁰ В рукописи далее следует зачеркнутый текст Ленина: ««заставить выбрать» – «революционным путем»! Бывает же такая революционная репетировщина!». *Ред.*

³¹ И вооруженный пролетариат, и «отстраненные от правительства» консерваторы?

«Живо и талантливо редактирован номер первый. Заметна опытная, умелая рука редактора-писателя... Можно с уверенностью сказать, что газета блестяще исполнит поставленную себе задачу».

Да! Если эта задача состоит в том, чтобы показать всем и каждому наглядно полное идейное разложение новоискровства, то она выполнена действительно «блестяще». Более «живо, талантливо и умело» выразить принижение новоискровцев до либерально-буржуазного оппортунизма никто не сумел бы.

8. Освобожденство и новоискровство

Теперь перейдем к другому наглядному подтверждению политического значения новоискровства.

В замечательной, превосходной, поучительнейшей статье «Как найти себя» (№ 71 «Освобождения») г. Струве идет войной на «программный революционизм» наших крайних партий. Мною лично г. Струве особенно недоволен^{32{150}}. Что касается меня, то я как нельзя более доволен г-ном Струве: лучшего союзника в борьбе с возрождающимся «экономизмом» новоискровцев и с полной беспринципностью «социалистов-революционеров» я не мог бы и желать. Каким образом г. Струве и «Освобождение» практически доказали всю реакционность «поправок» к марксизму, сделанных в проекте программы социалистов-революционеров, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Как г. Струве всякий раз, когда он *принципиально* одобрял новоискровцев, служил мне верную, честную и истинную службу, об этом мы говорили уже неоднократно^{33{151}} и скажем сейчас еще раз.

³² «В сравнении с революционизмом гг. Ленина и товарищей, революционизм западноевропейской социал-демократии Бебеля и даже Каутского является оппортунизмом, но основы и этого, уже смягченного, революционизма подмыты и размыты историей». Вылазка очень сердитая. Напрасно только думает г. Струве, что на меня, как на мертвого, все валить можно. Мне достаточно сделать г-ну Струве вызов, которого он никогда не в состоянии будет принять. Где и когда я называл «революционизм Бебеля и Каутского» оппортунизмом? Где и когда претендовал я на создание какого бы то ни было особого направления в международной социал-демократии, *не тождественного* с направлением Бебеля и Каутского? Где и когда выступали на свет разногласия между мной, с одной стороны, Бебелем и Каутским, с другой, – разногласия, хоть сколько-нибудь приближающиеся но серьезности к разногласиям между Бебелем и Каутским, например, по аграрному вопросу в Бреславле?^{150} Пусть попробует г. Струве ответить на эти три вопроса. А читателям мы скажем. Либеральная буржуазия *везде и всегда* пускает в ход прием: уверять своих единомышленников в данной стране, что социал-демократы данной страны – самые неразумные, а товарищи их в соседнем государстве «пай-мальчики». Немецкая буржуазия *сотни раз* выставяла на поучение Бебелям и Каутским «пай-мальчиков» французских социалистов. Французская буржуазия совсем недавно выставяла на поучение французским социалистам «пай-мальчика» Бебеля. Старый прием, г. Струве! Только ребят и невежд поймаете вы на эту удочку. Полная солидарность международной революционной социал-демократии во всех крупных вопросах программы и тактики есть неоспоримейший факт.

^{150} Имеются в виду разногласия при обсуждении проекта аграрной программы на съезде Германской социал-демократической партии, происходившем в Бреслау 6–12 октября (н. ст.) 1895 года. Проект аграрной программы содержал серьезные ошибки, в частности, в нем сказалась тенденция превратить пролетарскую партию в «общенародную». Этот проект, помимо оппортунистов, защищали также А. Бебель и В. Либкнехт. Проект аграрной программы был подвергнут на съезде резкой критике со стороны К. Каутского, К. Цеткин и ряда других социал-демократов. Съезд большинством голосов (158 против 63) отверг предложенный комиссией проект аграрной программы.

³³ Напомним читателю, что статью «Чего не делать» (№ 52 «Искры») «Освобождение» приветствовало с шумом и треском, как «знаменательный поворот» к уступчивости по отношению к оппортунистам. Принципиальные тенденции новоискровства «Освобождение» специально одобряло в заметке о расколе среди русских социал-демократов. По поводу брошюры Троцкого «Наши политические задачи» «Освобождение» указывало на однородность идей этого автора с тем, что некогда писали и говорили рабочедельцы Кричевский, Мартынов, Акимов (см. листок «Услужливый либерал», издание «Вперед») (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 71–74. *Ред.*). Брошюру Мартынова о двух диктатурах «Освобождение» приветствовало (см. заметку во «Вперед» № 9) (там же, стр. 307–308. *Ред.*). Наконец, запоздалые жалобы Старовера по поводу старого лозунга старой «Искры»^{151}: «сначала размежеваться, потом объединяться» встретили особое сочувствие «Освобождения».

^{151} «Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России. Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года – в Лондоне

В статье г-на Струве есть целый ряд интереснейших заявлений, которые мы можем здесь отметить лишь мимоходом. Он собирается «создать русскую демократию, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классов», причем «социально-привилегированная интеллигенция» (вроде «культурного дворянства», перед которым г. Струве расшаркивается с грациозностью истинно светского... лакея) принесет «вес своего социального положения» (вес денежного мешка) в эту «неклассовую» партию. Г. Струве выражает желание знакомить молодежь с негодностью «радикального трафарета о том, что буржуазия испугалась и продала пролетариат и дело свободы» (от всей души приветствуем это желание. Ничто не подтвердит так этого марксистского «трафарета», как война с ним г-на Струве. Пожалуйста, г. Струве, не откладывайте в долгий ящик своего великолепного плана!).

Нам важно для нашей темы отметить, с какими *практическими* лозунгами воюет в настоящее время такой политически-чуткий и отзывчивый на малейшую перемену погоды представитель русской буржуазии. Во-первых, с лозунгом республиканизма. Г. Струве твердо убежден, что этот лозунг «непонятен и чужд народной массе» (он забывает добавить: понятен, но невыгоден буржуазии!). Мы бы желали посмотреть, какой ответ получил бы г. Струве от рабочих в наших кружках и на наших массовках! Или рабочие не народ? А крестьяне? У них бывает, по словам г. Струве, «наивный республиканизм» («прогнать царя»), — но либеральная буржуазия верит в то, что на смену *наивного* республиканизма придет не сознательный республиканизм, а сознательный монархизм! *Sa depend*, г. Струве, это еще зависит от обстоятельств. И царизм и буржуазия не могут не противодействовать коренному улучшению положения крестьян на счет помещичьей земли, а рабочий класс не может не содействовать в этом крестьянству.

Во-вторых, г. Струве уверяет, что «в гражданской войне нападающий всегда окажется неправым». Эта идея вплотную подходит к показанным выше тенденциям новоискровства. Мы не скажем, конечно, чтобы в гражданской войне *всегда* было выгодно нападать; нет, иногда оборонительная тактика *на время* обязательна. Но выставлять такое положение, которое дал г. Струве, в применении к России 1905 года, значит как раз показывать кусочек «радикального трафарета» («буржуазия пугается и продает дело свободы»). Кто но хочет теперь нападать на самодержавие, на реакцию, кто не готовится к этому нападению, кто не проповедует его, — тот всеу приемлет имя сторонника революции.

и с весны 1903 года — в Женеве. Большую помощь в постановке газеты (организации тайной типографии, приобретении русского шрифта и т. п.) оказали германские социал-демократы К. Цеткин, А. Браун и др., живший в те годы в Мюнхене польский революционер Ю. Мархлевский и Г. Квелч — один из руководителей английской социал-демократической федерации. В редакцию «Искры» входили: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала была И. Г. Смидович-Леман, а затем, с весны 1901 года, — Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями. В центре внимания «Искры» стояли вопросы революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся России против царского самодержавия, большое внимание уделялось важнейшим событиям международной жизни, главным образом международного рабочего движения. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры», выступал со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России. «Искра» стала центром объединения партийных сил, собирания и воспитания партийных кадров. В ряде городов России (Петербург, Москва, Самара и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления. В январе 1902 года на съезде искровцев в Самаре была основана русская организация «Искры». Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством учеников и соратников В. И. Ленина — Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, С. И. Гусева, М. И. Калинина, П. А. Красикова, Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др. По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры» 1 июня 1902 года) и подготовила II съезд РСДРП, состоявшийся 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 года. Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП. Вскоре после II съезда партии при поддержке Плеханова меньшевики захватили «Искру» в свои руки. С пятьдесят второго номера «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма (см. примечание № 7).

Г. Струве осуждает лозунги: «конспирация» и «бунт» (это «восстание в миниатюре»). Г. Струве презирает и то и другое – с точки зрения «доступа к массам»! Мы бы спросили г-на Струве: укажет ли он проповедь бунта в таком, напр., произведении безмерного, на его взгляд, революционариста, как «Что делать?»³⁴. А насчет «конспирации» велико ли различие, напр., между нами и г. Струве? Не оба ли мы работаем в «нелегальной» газете, «конспиративно» провозимой в Россию и служащей «тайным» группам «Союза освобождения» или РСДРП? Наши рабочие массовки часто «конспиративны», – есть тот грех. А собрания гг. освобожденцев? Есть ли вам чем чваниться, г. Струве, перед презренными сторонниками презренной конспирации?

Правда, конспирация сугубая требуется с доставкой оружия рабочим. Вот тут уже г. Струве выступает прямее. Слушайте: «Что касается вооруженного восстания или революции в техническом смысле³⁵, то только массовая пропаганда демократической программы может создать социально-психические условия всеобщего вооруженного восстания. Таким образом, даже с той, мною неразделяемой, точки зрения, которая вооруженное восстание считает *неизбежным* завершением современной борьбы за освобождение, – пропитывание масс идеями демократического преобразования есть самое основное, самое нужное дело».

Г. Струве старается уклониться от вопроса. Он говорит о неизбежности восстания вместо того, чтобы говорить о необходимости его для победы революции. Восстание, неподготовленное, стихийное, раздробленное, уже началось. Безусловно поручиться за то, что оно дойдет до цельного и целостного вооруженного народного восстания, никто не сможет, ибо это зависит и от состояния революционных сил (вполне измеряемых только на самой борьбе), и от поведения правительства и буржуазии, и от ряда других обстоятельств, учесть которые точно невозможно. О неизбежности, в смысле той абсолютной уверенности в конкретном событии, на которую сворачивает речь г. Струве, не к чему и говорить. Говорить надо, если вы хотите быть сторонником революции, о том, *необходимо* ли восстание *для победы* революции, необходимо ли активно выдвигать его, проповедовать, готовить немедленно и энергично. Г. Струве не может не понимать этой разницы: он ведь, напр., не заслоняет же бесспорного для демократа вопроса о необходимости всеобщего избирательного права спорным и ненастоящим для политического деятеля вопросом о неизбежности его приобретения в течение данной революции. Уклоняясь от вопроса о необходимости восстания, г. Струве выражает этим глубочайшую подоплеку политической позиции либеральной буржуазии. Буржуазия, во-первых, предпочитает сторговаться с самодержавием, чем раздавить его; буржуазия во всяком случае сваливает борьбу с оружием в руках на рабочих (это во-вторых). Вот какое *реальное* значение имеет уклончивость г. Струве. Вот почему он *пятится назад* от вопроса о необходимости восстания к вопросу о его «социально-психических» условиях, о предварительной «пропаганде». Точь-в-точь, как буржуазные болтуны во Франкфуртском парламенте 1848 года занимались сочинением резолюций, деклараций, решений, «массовой пропагандой» и подготовкой «социально-психических условий» в такое время, когда дело шло об отпоре вооруженной силе правительства, когда движение «привело к необходимости» вооруженной борьбы, когда одно словесное воздействие (стократ нужное в подготовительный период) превратилось в пошлую, буржуазную бездеятельность и трусость, – точно так же и г. Струве увиливает от вопроса о восстании, прикрываясь *фразами*. Г. Струве наглядно показывает нам то, чего упорно не видят многие социал-демократы, именно: революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в *действии*.

³⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 1–192. *Ред.*

³⁵ В рукописи далее следует зачеркнутый текст Ленина: «начинается плагиат из новой «Искры»». *Ред.*

Вульгарный революционаризм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории *вообще* или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путчи не заменят и искусственно не вызовут. Хвостизм революционеров не понимает того, что, когда начался революционный момент, когда старая «надстройка» треснула по всем швам, когда открытое политическое выступление классов и масс, творящих себе новую надстройку, стало фактом, когда гражданская война началась, – тогда ограничиваться *по-старому* «словом», не давая *прямого лозунга* перейти к «делу», тогда отговариваться от дела ссылкой на «психические условия» да на «пропаганду» вообще есть безжизненность, мертвенность, резонерство, или же предательство революции и измена ей. Франкфуртские болтуны демократической буржуазии – незабвенный исторический образчик такого предательства или такого резонерского тупоумия.

Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционаризмом и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения в России? Мы вам дадим такое пояснение. Припомните 1901–1902 годы, которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдаленным преданием. Начались демонстрации. Вульгарный революционаризм поднял крик о «штурме» («Рабочее Дело»^[25]), выпускались «кровавые листки» (берлинского, если память мне не изменяет, происхождения), нападали на «литературщину» и кабинетный характер идеи всероссийской агитации посредством газеты (Надеждин)^[26]. Хвостизм революционеров выступал тогда, наоборот, с проповедью, что «экономическая борьба есть *лучшее* средство для политической агитации». Как держалась революционная социал-демократия? Она нападала на оба эти течения. Она осуждала вспышкопускательство и крики о штурме, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла прямо лозунг *даже* всенародного вооруженного восстания, не в смысле прямого призыва (призыва к «бунту» не нашел бы у нас г. Струве в те времена), а в смысле *необходимого* вывода, в смысле «пропаганды» (о которой г. Струве только теперь вспомнил, – он всегда опаздывает несколькими годами, наш почтенный г. Струве), в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий», о которых теперь представители растерянной, торгашеской буржуазии разглагольствуют «грустно и некстати». *Тогда* пропаганда и агитация, агитация и пропаганда действительно выдвигались объективным положением вещей на первый план. *Тогда* оселком работы по подготовке восстания могла выставляться (и выставлялась в «Что делать?») работа над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом. *Тогда* лозунги: массовая агитация *вместо* непосредственных вооруженных выступлений; подготовка социально-психических условий восстания *вместо* вспышкопускательства – были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. *Теперь* эти лозунги превзойдены событиями, движение ушло вперед, они стали хламом, ветошью, годной только для прикрытия освобожденческого лицемерия да новоискровского хвостизма!

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет, и критика оружия не должна теперь же явиться *необходимым* и обязательным приемником, наследником, душеприказчиком, завершителем оружия критики?

Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни как «аргумент» самодержавия? Разве буржуазия – даже буржуазия – не признала необходимости гражданской милиции? Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что «откры-

тый характер революционных действий» (вот мы как нынче!) «в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

У кого есть глаза, чтобы видеть, тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооруженном восстании. Посмотрите же на *три* постановки этого вопроса, данные в сколько-нибудь способных влиять на *массы* органах свободной печати.

Постановка первая. Резолюция III съезда Российской социал-демократической рабочей партии³⁶. Признано и заявлено во всеуслышание, что общедемократическое революционное движение *уже привело к необходимости* вооруженного восстания. Организация пролетариата для восстания поставлена на очередь дня, как одна из существенных, главных и *необходимых* задач партии. Поручено принять *самые энергичные* меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием.

Постановка вторая. Принципиальная статья в «Освобождении» «вождя русских конституционалистов» (так назвал недавно г-на Струве столь влиятельный орган европейской буржуазии, как «Франкфуртская Газета»^[27]), или вождя русской прогрессивной буржуазии. Мнение о неизбежности восстания им не разделяется. Конспирация и бунт – специфические приемы неразумного революционизма. Республиканизм – метод оглушения. Вооруженное восстание – вопрос, собственно, только технический, тогда как «самое основное, самое нужное дело» – массовая пропаганда и подготовка социально-психических условий.

Постановка третья. Резолюция новоискровской конференции. Наша задача – готовить восстание. Возможность планомерного восстания исключается. Благоприятные условия для восстания создаются правительственной дезорганизацией, нашей агитацией, нашей организацией. Лишь тогда «могут приобрести более или менее серьезное значение технические-боевые приготовления».

И только? И только. Стало ли восстание необходимым, этого новоискровские руководители пролетариата еще не знают. Неотложна ли задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы, – для них еще не ясно. Не нужно звать к принятию самых энергичных мер, гораздо важнее (в 1905, а не в 1902 году) разъяснить в общих чертах, при каких условиях эти меры «могут» приобрести «более или менее серьезное» значение...

Видите ли вы теперь, товарищи новоискровцы, куда привел вас ваш поворот к мартыновщине? Понимаете ли вы, что ваша политическая философия оказалась перепевом философии освобожденской? – что вы оказались (против вашей воли и помимо вашего сознания) в хвосте монархической буржуазии? Ясно ли вам теперь, что, твердя зады и совершенствуясь в резонерстве, вы пропустили то обстоятельство, что – говоря незабвенными словами незабвенной статьи Петра Струве – «открытый характер революционных *действий* в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?

³⁶ Вот ее полный текст: «Принимая во внимание: 1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно-революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России; 2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания; 3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России; 4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой; 5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России, — Третий съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент. Поэтому съезд поручает всем партийным организациям: а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания, б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания, в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

9. Что значит быть партией крайней оппозиции во время революции?

Вернемся к резолюции о временном правительстве. Мы показали, что тактика новоискровцев двигает революцию не вперед, – возможность чего они хотели бы обеспечить своей резолюцией, – а назад. Мы показали, что именно эта тактика *связывает руки* социал-демократии в борьбе с непоследовательной буржуазией и не предохраняет от растворения в буржуазной демократии. Понятно, что из ложных посылок резолюции получается ложный вывод: «Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Посмотрите на первую половину этого вывода, относящуюся к постановке целей. Ставят ли новоискровцы целью социал-демократической деятельности решительную победу революции над царизмом? – Ставят. Они не умеют правильно формулировать условия решительной победы, сбиваясь на «освободительскую» формулировку, но указанную цель они ставят. Далее, связывают ли они временное правительство с восстанием? – Да, прямо связывают, говоря, что временное правительство «выходит из победоносного народного восстания». Наконец, ставят ли они себе целью руководить восстанием? – Да, они уклоняются, подобно г. Струве, от признания восстания необходимым и неотложным, но они говорят в то же время, в отличие от г. Струве, что «социал-демократия стремится *подчинить* его (восстание) своему влиянию и *руководству* и использовать в интересах рабочего класса».

Не правда ли, как это связно выходит? Мы ставим себе *целью* подчинить восстание и пролетарских и *непролетарских* масс нашему влиянию, нашему руководству, использовать его в наших интересах. Мы ставим себе целью, следовательно, руководить при восстании и пролетариатом, и революционной буржуазией, и мелкой буржуазией («непролетарские группы»), т. е. «*разделить*» руководство восстанием между социал-демократией и революционной буржуазией. Мы ставим себе целью *победу* восстания, долженствующую привести к учреждению временного правительства («вышедшего из победоносного народного восстания»). *Поэтому...* поэтому мы не должны ставить себе целью захватить или разделить власть во временном революционном правительстве!!

Наши друзья никак не могут свести концов с концами. Они колеблются между точкой зрения г. Струве, отговаривающегося от восстания, и точкой зрения революционной социал-демократии, призывающей взяться за эту неотложную задачу. Они колеблются между анархизмом, принципиально осуждающим, как измену пролетариату, всякое участие во временном революционном правительстве, и марксизмом, требующим такого участия при условии руководящего влияния социал-демократии на восстание³⁷. У них нет никакой самостоятельной позиции: ни позиции г. Струве, который желает торговаться с царизмом и потому должен уклоняться и вилать по вопросу о восстании; – ни позиции анархистов, которые осуждают всякое действие «сверху» и всякое участие в буржуазной революции. Новоискровцы смешивают сделку с царизмом и победу над царизмом. Они хотят участвовать в буржуазной революции. Они несколько ушли вперед от «Двух диктатур» Мартынова. Они согласны даже руководить восстанием народа, – с тем, чтобы отказаться от этого руководства тотчас после победы (или, может быть, непосредственно перед победой?), то есть с тем, *чтобы не пользоваться плодами победы, а отдать все плоды целиком буржуазии*. Это называют они «использовать восстание в интересах рабочего класса»...

³⁷ См. «Пролетарий» № 3. «О временном революционном правительстве», статья вторая. (См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 241–250. *Ред.*.)

Останавливаться дольше на этой путанице нет надобности. Полезнее рассмотреть *происхождение* этой путаницы в той формулировке ее, которая гласит: «оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Перед нами одно из знакомых положений международной революционной социал-демократии. Это совершенно верное положение. Оно стало общим местом для всех противников ревизионизма или оппортунизма в парламентских странах. Оно приобрело право гражданства, как законный и необходимый отпор «парламентскому кретинизму», мильеранизму, бернштейнианству, итальянскому реформизму в духе Турати. Наши добрые новоискровцы заучили это хорошее положение и усердно применяют его... *совсем некстати*. Категории парламентской борьбы вставляются в резолюции, писанные для таких условий, когда никакого парламента налицо нет. Понятие «оппозиции», явившееся отражением и выражением такой политической ситуации, когда о *восстании* никто серьезно не говорит, – переносится бессмысленно на ситуацию, когда восстание *началось* и когда о руководстве им думают и говорят все сторонники революции. Пожелание «*оставаться*» при том же, что и прежде, т. е. при действии только «снизу», высказывается с помпой и треском *как раз тогда*, когда революция поставила вопрос о необходимости, при победе восстания, действовать *сверху*.

Нет, решительно не везет нашим новоискровцам! Даже тогда, когда они сформулируют верное социал-демократическое положение, они не умеют верно применить его. Они не подумали, как преобразуются и превращаются в свою противоположность понятия и термины парламентской борьбы в эпоху начавшейся революции, при отсутствии парламента, при наличности гражданской войны, при наличности вспышек восстания. Они не подумали, что при условиях, о которых идет речь, поправки предлагаются посредством уличных демонстраций, интерpellации вносятся посредством наступательных действий вооруженных граждан, оппозиция правительству осуществляется посредством насильственного ниспровержения правительства.

Как известный герой нашего народного эпоса повторял хорошие советы как раз тогда, когда они неуместны, так и наши поклонники Мартынова повторяют уроки мирного парламентаризма как раз тогда, когда они сами констатируют начало прямых военных действий. Нет ничего курьезнее, как это выдвигание, с важным видом, лозунга: «крайняя оппозиция» в резолюции, начинающейся указанием на «решительную победу революции», на «народное восстание»! Сообразите-ка, господа, что значит представлять из себя «крайнюю оппозицию» в эпоху восстания? Значит ли это изобличать правительство или свергать его? Значит ли это вотировать против правительства или наносить поражение его военным силам в открытом сражении? Значит ли это отказывать правительству в пополнении его казны, или это означает революционный захват этой казны для обращения ее на нужды восстания, на вооружение рабочих и крестьян, на созыв учредительного собрания? Не начинаете ли вы понимать, господа, что понятие «крайней оппозиции» выражает действия только отрицательные, – изобличать, вотировать против, отказывать? Почему это? Потому, что это понятие относится только к парламентской борьбе и притом в такую эпоху, когда непосредственной целью борьбы никто «решительной победы» не ставит. Не начинаете ли вы понимать, что дело кардинально меняется в этом отношении с того момента, когда начинается решительный натиск политически угнетенного народа по всей линии для отчаянной борьбы за победу?

Рабочие спрашивают нас, надо ли энергично браться за неотложное дело восстания? Как сделать, чтобы начавшееся восстание было победоносно? Как воспользоваться победой? Какую программу можно и должно тогда осуществить? Углубляющие марксизм новоискровцы отвечают: оставаться партией крайней революционной оппозиции... Ну, разве же мы были не правы, назвав этих рыцарей виртуозами филистерства?

10. «Революционные коммуны» и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства

Конференция новоискровцев не удержалась на анархической позиции, до которой договорилась новая «Искра» (только «снизу», а не «снизу и сверху»). Нелепость допущения восстания и недопущения победы и участия во временном революционном правительстве слишком била в глаза. Резолюция ввела поэтому оговорки и ограничения в решение вопроса Мартыновым и Мартовым. Рассмотрим эти оговорки, изложенные в следующей части резолюции:

«Эта тактика («оставаться партией крайней революционной оппозиции»), конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства».

Если так, значит в принципе допускается действие не только снизу, но также и сверху. Значит, выставленное в известном фельетоне Л. Мартова в «Искре» (№ 93) положение ниспровергается, и признается правильной тактика газеты «Вперед»: не только «снизу», а также и «сверху».

Далее, захват власти (хотя бы частичный, эпизодический и т. д.), очевидно, предполагает участие не одной только социал-демократии и не одного пролетариата. Это следует из того, что в демократической революции заинтересован и активно участвует не один пролетариат. Это следует из того, что восстание есть «народное», как говорится в начале разбираемой резолюции, что в нем участвуют и «непролетарские группы» (выражение резолюции конферентов о восстании), т. е. и буржуазия. Значит, тот принцип, что всякое участие социалистов вместе с мелкой буржуазией во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу, *выброшен за борт конференцией*, как того добивался «Вперед». «Измена» не перестает быть изменой от того, что действие, ее составляющее, есть частичное, эпизодическое, районное и т. п. Значит, приравнение участия во временном революционном правительстве к вульгарному жоресизму *выброшено за борт* конференцией, как того добивался «Вперед»^[28]. Правительство не перестает быть правительством от того, что его власть распространяется не на много городов, а на один город, не на много районов, а на один район, а равно и от того, как это правительство называется. Таким образом, *принципиальная постановка вопроса*, которую пыталась дать новая «Искра», *покинута конференцией*.

Посмотрим, разумны ли те ограничения, которые ставит конференция принципиально допущенному теперь образованию революционных правительств и участию в таковых. Чем отличается понятие «эпизодический» от понятия «временный», мы не знаем. Боимся, что иностранным и «новым» словом прикрывается здесь лишь отсутствие ясной мысли. Это *кажется* «глубже», а на самом деле это только темнее и путаннее. Чем отличается «целесообразность» частичного «захвата власти» в городе или районе от участия во временном революционном правительстве всего государства? Разве в числе «городов» нет такого, как Петербург, где имело место 9-ое января? Разве в числе районов нет Кавказа, который больше многих государств? Разве задачи (смущавшие некогда новую «Искру») обращения с тюрьмами, полицией, казначейством и пр. и пр. не встают перед нами при «захвате власти» даже в одном городе, не говоря уже о районе? Никто не станет отрицать, конечно, что при недостатке сил, при неполном успехе восстания, при нерешительной победе его возможны частичные, городские и прочие временные революционные правительства. Но только при чем же это, господа? Не вы ли сами говорите в начале резолюции о «решительной победе

революции», о «победоносном народном восстании»? С которых это пор социал-демократы берут на себя дело анархистов: раздроблять внимание и цели пролетариата? направлять его на «частичное», а не на всеобщее, единое, цельное и полное? Предполагая «захват власти» в городе, вы сами говорите о «распространении восстания» – на другой город, смеем думать? на все города, позволительно надеяться? Ваши выводы, господа, так же шатки и случайны, противоречивы и путаны, как ваши послышки. Третий съезд РСДРП дал исчерпывающий и ясный ответ на вопрос о временном революционном правительстве вообще. Этот ответ обнимает и все частичные временные правительства. Ответ же конференции, искусственно и произвольно выделяя *часть* вопроса, только *уклоняется* (но безуспешно) от вопроса в целом и вносит сунбур.

Что значит «революционные коммуны»? Отличается это понятие от «временного революционного правительства» и если да, то чем? Этому господа конференты сами не знают. Путаность революционной мысли приводит у них, как это сплошь и рядом бывает, к *революционной фразе*. Да, употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более. Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин *отжившего прошлого* прячут задачи будущего. Обаятельность термина, сыгравшего роль в истории, превращается в подобных случаях в пустую и вредную мишуру, в погремушку. Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, *зачем* мы хотим учреждения временного революционного правительства? *какие именно преобразования* осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть, завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания? Вот вопросы, стоящие перед политическими руководителями.

Третий съезд РСДРП отвечает на эти вопросы с полнейшей ясностью, давая полную программу этих преобразований: нашу партийную программу-минимум. А слово «коммуна» не дает никакого ответа, только засоряя головы каким-то далеким звоном... или пустозвонством. Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своем «манифесте») перед каждым актом Коммуны^[29]. Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об *этой* «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д. Одним словом, – сошлетесь ли вы в своем ответе на Парижскую или на какую иную коммуну, наш ответ будет: это было такое правительство, *каким наше быть не должно*. Хорош ответ, нечего сказать! Не свидетельствует ли это о резонерстве начетчика и беспомощности революционера, когда практическая программа партии обходится молчанием и нектати начинается в резолюции преподавание истории? Не показывает ли это как раз той ошибки, в которой неудачно старались изобличить нас: смешения демократического и социалистического переворотов, неразличавшихся ни одной из «коммун»?

Целью временного правительства (так нектати названного коммуной) выставляется «исключительно» распространение восстания и дезорганизация правительства. Это «исключительно» устраняет, по буквальному смыслу слова, всякие другие задачи, являясь отрывочной нелепой теории «только снизу». Подобное устранение других задач есть опять-таки близорукость и непродуманность. «Революционная коммуна», т. е. революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы временно, «частично, эпизодически») *все* государственные дела, и прятать тут голову под крыло – верх неразумия.

Эта власть должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д., — одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность.

* * *

Заключительная часть новоискровской резолюции не дает нового материала для критики принципиальных тенденций возродившегося «экономизма» в нашей партии, но иллюстрирует несколько с иной стороны сказанное выше.

Вот эта часть:

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности, дольше удержать ее в своих руках, — именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной (?) зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

Строя свою тактику в расчете на сохранение за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет (??) в ее руки».

Основная мысль здесь та, которую неоднократно формулировал «Вперед», говоривший, что мы не должны бояться (как боится Мартынов) полной победы социал-демократии в демократической революции, т. е. революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот. Но посмотрите, как ухудшена эта мысль в изложении новоискровцев. Не будем останавливаться на частностях, — на той бессмыслице, будто власть может «попасть» в руки сознательной партии, считающей вредной тактикой захват власти, — на том, что в Европе условия для социализма достигли не известной зрелости, а зрелости вообще, — на том, что наша партийная программа не знает никаких социалистических преобразований, а знает лишь социалистический переворот. Возьмем главное и основное отличие мысли «Вперед» и резолюции. «Вперед» указывал революционному пролетариату России активную задачу: победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу. Резолюция не понимает этой связи нашей «решительной победы» (не в новоискровском смысле) с революцией в Европе и говорит поэтому не о задачах пролетариата, не о перспективах *его* победы, а об одной из возможностей вообще: «если бы революция перекинулась»... «Вперед» указывал прямо и определенно — и эти указания вошли в резолюцию III съезда РСДРП, — как именно можно и должно «использовать правительственную власть» в интересах пролетариата, считаясь с тем, что можно осуществить тотчас при данной ступени общественного развития и что необходимо осуществить сначала, как демократическую предпосылку борьбы за социализм. Резолюция

и тут безнадежно тащится в хвосте, говоря: «может подготовиться к использованию», но не умея сказать, *как* может, *как* подготовиться, к *какому* использованию. Мы не сомневаемся, например, что новоискровцы «могут подготовиться к использованию» руководящего положения в партии, но дело-то в том, что до сих пор их опыт этого использования, их подготовка не обнадеживают насчет превращения возможности в действительность...

«Вперед» говорил точно, в чем именно состоит реальная «возможность удержать власть в своих руках», – в революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, в их совместной массовой силе, способной перевесить все силы контрреволюции, в их неизбежном совпадении интересов относительно *демократических* преобразований. Резолюция конференции и тут не дает ничего положительного, только уваливая от вопроса. Ведь возможность удержать власть в России должна обуславливаться составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит. Ведь победа пролетариата в Европе (а от перенесения революции в Европу до победы пролетариата есть еще дистанция некоторого размера) вызовет отчаянную контрреволюционную борьбу русской буржуазии, – резолюция новоискровцев ни слова не говорит об этой контрреволюционной силе, значение которой оценено в резолюции III съезда РСДРП. Если бы мы не могли опереться кроме пролетариата и на крестьянство в борьбе за республику и демократию, тогда дело «удержания власти» было бы безнадежно. А если оно не безнадежно, если «решительная победа революции над царизмом» открывает такую возможность, – тогда мы должны указывать на нее, активно звать к ее превращению в действительность, давать практические лозунги не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения. У хвостистов социал-демократии ссылка на «ограниченные исторические пределы русской революции» прикрывает лишь ограниченность понимания задач этой демократической революции и передовой роли пролетариата в этой революции!

Одно из возражений против лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» состоит в том, что диктатура предполагает «единую волю» («Искра» № 95), а единой воли у пролетариата с мелкой буржуазией быть не может. Это возражение несостоятельно, ибо оно основано на абстрактном, «метафизическом» толковании понятия «единая воля». Бывает воля единая в одном отношении и неединая в другом. Отсутствие единства в вопросах социализма и в борьбе за социализм не исключает единства воли в вопросах демократизма и в борьбе за республику. Забывать это значило бы забывать логическую и историческую разницу между демократическим и социалистическим переворотом. Забывать это значило бы забывать об *общенародном* характере демократического переворота: если «общенародный», то, значит, *есть* «единство воли» именно постольку, поскольку этот переворот осуществляет общенародные нужды и потребности. За пределами демократизма не может быть и речи о единстве воли между пролетариатом и крестьянской буржуазией. Классовая борьба между ними неизбежна, но на почве демократической республики эта борьба и будет самой глубокой и самой широкой народной борьбой *за социализм*. У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое – самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее – борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно³⁸. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму.

³⁸ Развитие капитализма, еще более широкое и быстрое при свободе, неизбежно положит скорый конец единству воли, – тем более скорый, чем скорее будет раздавлена контрреволюция и реакция.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различия их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, *частные* элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? И разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще многого и многого доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго-классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего «вместе бить» с буржуазией, обязанность строго надзирать «за союзником, как за врагом» и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных по отношению к настоящему, хотя преходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием – временная и преходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализму и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно лишь преходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно.

Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, все течет, все изменяется. Немецкая социал-демократия не ставит в программу требования республики. Там ситуация такова, что этот вопрос вряд ли отделим на практике от вопроса о социализме (хотя и по отношению к Германии Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы в 1891 году предостерегал от преуменьшения значения республики и борьбы за республику!^[30]). В российской социал-демократии не возникало даже и вопроса о том, чтобы удалить требование республики из программы и из агитации, ибо у нас не может быть и речи о неразрывной связи вопроса о республике с вопросом о социализме. Немецкий социал-демократ 1898 года, не ставящий на первый план вопрос специально о республике, есть явление естественное, не вызывающее ни изумления, ни осуждения. Немецкий социал-демократ, который бы в 1848 г. оставил в тени вопрос о республике, был бы прямым изменником революции. Абстрактной истины нет. Истина всегда конкретна.

Наступит время – кончится борьба с русским самодержавием – минет для России эпоха демократической революции – тогда смешно будет и говорить о «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Примечание^[31]

1) Напомним читателю, что в полемике «Искры» с «Впередом» первая ссылалась, между прочим, на письмо Энгельса к Турати, в котором Энгельс предостерегал (будущего) вождя итальянских реформистов от смешения демократической и социалистической революции. Предстоящая революция в Италии, – писал Энгельс по поводу политического положения Италии в 1894 году, – будет мелкобуржуазная, демократическая, а не социалистическая^[32]. «Искра» упрекала «Вперед» в отступлении от принципа, установленного Энгельсом,

Упрек этот неправилен, ибо «Вперед» (№ 14) вполне признавал, в общем и целом, правильность теории Маркса о различии трех главных сил революций XIX века³⁹. По этой теории, против старого порядка, самодержавия, феодализма, крепостничества, выступает 1) либеральная крупная буржуазия; 2) радикальная мелкая буржуазия; 3) пролетариат. Первая борется не более как за конституционную монархию; вторая – за демократическую республику; третий – за социалистический переворот. Смещение мелкобуржуазной борьбы за полный демократический переворот с пролетарской борьбой за социалистическую революцию грозит политическим крахом социалисту. Это предостережение Маркса вполне правильно. Но именно лозунг «революционные коммуны» и ошибочен как раз по этой причине, ибо известные в истории коммуны как раз смешивали демократический и социалистический переворот. Напротив, наш лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства всецело гарантирует от этой ошибки. Признавая безусловно буржуазный характер революции, неспособной *непосредственно* выйти из рамок только демократического переворота, наш лозунг *толкает вперед* этот, данный, переворот, – стремится придать этому перевороту наиболее выгодные для пролетариата формы, – стремится, следовательно, к наибольшему использованию демократического переворота в целях успешнейшей дальнейшей борьбы пролетариата за социализм.

11. Беглое сравнение некоторых резолюций III съезда РСДРП и «конференции»

Вопрос о временном революционном правительстве является центральным пунктом тактических вопросов социал-демократии в настоящий момент. Останавливаться столь же подробно на остальных резолюциях конференции нет ни возможности, ни надобности. Мы ограничимся только кратким указанием на несколько пунктов, подтверждающих разобранное нами выше принципиальное различие в тактическом направлении резолюций III съезда РСДРП и резолюций конференции.

Возьмите вопрос об отношении к тактике правительства накануне переворота. Вы найдете опять-таки целостный ответ на него в резолюции III съезда РСДРП. Эта резолюция учитывает все разнообразные условия и задачи особого момента: и разоблачение лицемерия правительственных уступок, в использование «карикатурных форм народного представительства», и революционное осуществление настоятельных требований рабочего класса (восьмичасовой рабочий день во главе их), и, наконец, отпор черным сотням. В резолюциях конференции вопрос разбросан по нескольким отделам: «отпор темным силам реакции» упомянут лишь в мотивах резолюции об отношении к другим партиям. Участие в выборах в представительные учреждения рассматривается отдельно от «компромиссов» царизма с буржуазией. Вместо призыва к осуществлению революционным путем восьмичасового рабочего дня особая резолюция с громким названием «об экономической борьбе» повторяет только (после звонких и очень неумных слов о «центральном месте, занятом рабочим вопросом в русской общественной жизни») старый лозунг агитации за «законодательное установление восьмичасового рабочего дня». Недостаточность и отсталость этого лозунга в настоящий момент слишком ясны, чтобы надо было останавливаться на их доказательстве.

Вопрос об открытом политическом выступлении. III съезд учитывает предстоящую *коренную* перемену пашей деятельности. Никоем образом нельзя забрасывать конспиративной деятельности и развития конспиративного аппарата: это было бы на руку полиции и донельзя выгодно правительству. Но нельзя уже теперь не думать и об открытом выступлении. Надо *готовить* немедленно целесообразные формы такого выступления и, следо-

³⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 1–19. Ред.

вательно, особые аппараты – менее конспиративные – для этой цели. Надо использовать легальные и полулегальные общества, чтобы превращать их, по возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России.

Конференция и тут раздробляет вопрос, не давая никаких цельных лозунгов. Особо высказывает смехотворное поручение Организационной комиссии позаботиться об «испомещении» легальных литераторов. Совсем нелепо постановление о «подчинении своему влиянию тех демократических газет, которые ставят себе целью оказывать содействие рабочему движению». Эту цель ставят себе все наши легальные либеральные газеты, почти сплошь «освобожденные» по направлению. Почему бы редакции «Искры» не начать самой с выполнения своего совета и не показать нам пример, как следует подчинять социал-демократическому влиянию «Освобождение»? Вместо лозунга использовать легальные союзы для создания опорных пунктов *партии* нам дают, во-первых, частный совет о «профессиональных» только союзах (обязательное участие в них членов партии) и, во-вторых, совет руководить «революционными организациями рабочих» = «неоформленными организациями» = «революционными рабочими клубами». Как это «клубы» попали в неоформленные организации, что это за «клубы», – аллах ведает. Перед нами вместо точных и ясных директив высшего учреждения партии какие-то наброски мыслей и черновые заметки литераторов. Никакой цельной картины о начале перехода партии к совершенно иной базе всей ее работы не получается.

«Крестьянский вопрос» поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией. Съезд выработал резолюцию об «отношении к крестьянскому движению». Конференция – о «работе среди крестьян». В одном случае на первый план выдвинуты задачи руководства в общенациональных интересах борьбы с царизмом всем широким революционно-демократическим движением. В другом случае дело сводится только к «работе» среди особого слоя. В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации – немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом – «требование образования комитетов» должно быть предъявлено учредительному собранию. Почему мы должны непременно ждать этого учредительного собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов? – все эти вопросы упущены из виду конференцией. На всех ее решениях так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его. Как «экономисты» постоянно сбивались на то, что социал-демократам – экономическую борьбу, а либералам – политическую, так и новоискровцы сбиваются во всем ходе своих рассуждений на то, что нам – поскромнее уголок в сторонке от буржуазной революции, а буржуазии – активное проведение ее.

Наконец, нельзя не отметить и резолюции об отношении к другим партиям. Резолюция III съезда РСДРП говорит о разоблачении всякой ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии, не задаваясь наивной мыслью перечислить от съезда до съезда все возможные случаи этой ограниченности и провести черту, отделяющую нехороших буржуа от хороших буржуа. Конференция, повторяя ошибку Старовера, ищет упорно такой черты, развивает знаменитую теорию «лакмусовой бумажки». Старовер исходил из очень доброй идеи: поставить буржуазии условия построже. Он забывал только, что всякая попытка наперед отделить заслуживающих одобрения, соглашения и т. д. буржуазных демократов от незаслуживающих ведет к «формуле», сейчас же выкидываемой за борт развитием событий и вносящей смуту в пролетарское классовое сознание. Центр тяжести переносится с реального единства в борьбе на заявления, обещания, лозунги. Старовер считал таким коренным лозунгом «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Не

прошло и двух лет, — «лакмусова бумажка» доказала свою негодность, лозунг всеобщего избирательного права переняли освобожденные, не только не приближаясь от этого к социал-демократии, а напротив — именно посредством этого лозунга пытаюсь ввести в заблуждение рабочих и отвлечь их от социализма.

Теперь новоискровцы выставляют «условия» еще «строже», «требуют» от врагов царизма «энергичной и недвусмысленной {!?) поддержки всякого решительного действия организованного пролетариата» и т. д. вплоть до «активного участия в деле народного самооружения». Черта проведена значительно дальше, — и тем не менее черта эта *опять уже устарела*, сразу оказалась негодной. Почему, напр., отсутствует лозунг республики? Каким образом в интересах «беспощадной революционной войны против всех основ сословно-монархического порядка» социал-демократы «требуют» от буржуазных демократов всего, чего хотите, кроме борьбы за республику?

Что этот вопрос не придирка, что ошибка новоискровцев имеет самое жизненное политическое значение, — доказательство тому «Российский освободительный союз» (см. № 4 «Пролетария») ⁴⁰. Эти «враги царизма» вполне подойдут под все «требования» новоискровцев. А между тем мы показали, что освободительный дух царит в программе (или в беспрограммности) этого «Российского освободительного союза» и что освобожденные легко могут взять его на буксир. Конференция же заявляет в конце резолюции, что «социал-демократия будет выступать по-прежнему как против *лицемерных друзей народа*, против всех тех политических партий, которые, выставя либеральное и демократическое знамя, отказываются от действительной поддержки революционной борьбы пролетариата». «Российский освободительный союз» не только не отказывается, а усердно предлагает эту поддержку. Есть ли это ручательство за то, что его вожди не «лицемерные друзья народа», хотя бы они были освобожденные?

Вы видите: сочиняя наперед «условия» и предъявляя комичные по своему грозному бессилию «требования», новоискровцы сразу ставят себя в смешное положение. Их условия и требования сразу оказываются недостаточными для учета живой действительности. Их погоня за формулами безнадежна, ибо никакой формулой не уловишь всех и всяческих проявлений лицемерия, непоследовательности и ограниченности буржуазной демократии. Дело не в «лакмусовой бумажке», не в формулах, не в записанных и пропечатанных требованиях, не в разграничении наперед лицемерных и нелицемерных «друзей народа», а в реальном единстве борьбы, в неослабевающей критике со стороны социал-демократов каждого «нетвердого» шага буржуазной демократии. Для «действительного сплочения всех заинтересованных в демократическом переустройстве общественных сил» нужны не «пункты», над которыми так усердно и так тщетно трудилась конференция, а умение выставить действительно революционные лозунги. Для этого нужны лозунги, поднимающие до уровня пролетариата революционную и республиканскую буржуазию, а не принижающие задачи пролетариата до уровня монархической буржуазии. Для этого нужно энергичнейшее участие в восстании, а не резонерские отговорки от неотложной задачи вооруженного восстания.

⁴⁰ В № 4 «Пролетария», вышедшем 4-го июня 1905 года, помещена была обширная статья: «Новый революционный рабочий союз». (См. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 278–290. *Ред.*) В статье передается содержание воззваний этого союза, принявшего название «Российского освободительного союза» и поставившего своей целью созыв при помощи вооруженного восстания учредительного собрания. Далее, в статье определяется отношение с.-д. к таким беспартийным союзам. Насколько реален был данный союз и какова его судьба в революции, нам совершенно неизвестно. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

12. Ослабев ли размах демократической революции, если от нее отшатнется буржуазия?

Предыдущие строки были уже написаны, когда мы получили изданные «Искрой» резолюции кавказской конференции новоискровцев. Pour la bonne bouche (для хорошего окончания) мы не могли бы и выдумать лучшего материала.

Редакция «Искры» справедливо замечает: «В основном вопросе тактики кавказская конференция также пришла к решению, *аналогичному*» (истина!) «тому, которое принято на конференции общерусской» (т. е. новоискровской). «Вопрос об отношении социал-демократии к временному революционному правительству решен кавказскими товарищами в смысле самого отрицательного отношения к новому методу, пропагандируемому группой «Вперед» и примкнувшими к ней делегатами так называемого съезда». «Формулировку тактики пролетарской партии в буржуазной революции, данную конференцией, надо признать *весьма удачной*».

Что правда, то правда. Более «удачной» формулировки коренной ошибки новоискровцев никто не сумел бы дать. Приводим эту формулировку целиком, отмечая сначала в скобках цветочки, а затем и преподнесенные в конце ягодки.

Резолюция кавказской конференции новоискровцев о временном правительстве:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления» (ну, конечно! Надо бы добавить: для мартыновского углубления!) «социал-демократического сознания пролетариата» (только для углубления сознания, а не для завоевания республики? Какое «глубокое» понимание революции!), «конференция, в целях обеспечения для партии полной свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя» (обеспечивать республику не наше дело! Наше дело только обеспечить свободу критики. Анархические идеи порождают и анархический язык: «буржуазно-государственный» строй!), «высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него» (припомните цитированную Энгельсом резолюцию бакунистов за 10 месяцев перед испанской революцией: см. «Пролетарий» № 3^[33]), «а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне» (снизу, а не сверху) «на буржуазное временное правительство для усиленной (?) демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма» (республика не насущная нужда! Авторы, в невинности своей, не замечают, что говорят чисто анархическим языком, как будто они отрицали участие в буржуазных революциях!), «с другой, **заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах**».

Вот где зарыта собака. Вот где анархические идеи переплетаются (как это бывает постоянно и среди западноевропейских бернштейнианцев) с чистейшим оппортунизмом. Подумайте только: не вступать во временное правительство потому, что это заставит буржуазию отшатнуться от дела революции и тем ослабит размах революции! Да ведь тут уже перед нами целиком, в чистом и последовательном виде та новоискровская философия, что-де так как революция буржуазная, то поэтому мы должны преклоняться перед буржуазной пошлостью и уступать ей дорогу. Если мы руководимся, хотя бы отчасти, хотя бы на минуту, тем соображением, что наше участие может заставить буржуазию отшатнуться, то ведь мы этим целиком уступаем главенство в революции буржуазным классам. Мы этим всецело отдаем пролетариат под опеку буржуазии (оставаясь при полной «свободе критики»!), заставляя

пролетариат быть умеренным и кротким, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы кастрируем насущнейшие нужды пролетариата, именно политические нужды его, которых никогда хорошо не понимали «экономисты» и их эпигоны, кастрируем ради того, чтобы не отшатнулась буржуазия. Мы целиком переходим с почвы революционной борьбы за осуществление демократизма в пределах, нужных пролетариату, на почву торгашества с буржуазией, покупая своей изменой принципам, изменой революции ее, буржуазии, добровольное согласие («чтобы не отшатнулась»).

В двух маленьких строчках кавказские новоискровцы сумели выразить всю суть тактики предательства революции, превращения пролетариата в жалкого прихвостня буржуазных классов. То, что мы вывели выше из ошибок новоискровства как тенденцию, то перед нами возведено теперь в ясный и определенный принцип: в хвосте у монархической буржуазии. Так как осуществление республики заставило бы (и заставляет уже – пример г. Струве) отшатнуться буржуазию, поэтому долой борьбу за республику. Так как буржуазию всегда и во всем мире заставляет отшатнуться всякое энергичное и до конца доходящее демократическое требование пролетариата, поэтому – прячьтесь в норы, товарищи рабочие, действуйте только извне, не думайте пользоваться для революции орудиями и средствами «буржуазно-государственного» строя и сохраняйте за собой «свободу критики».

Основная фальшь в самом понимании термина «буржуазная революция» выступила тут наружу. Мартыновское или новоискровское «понимание» его ведет напрямик к предательству дела пролетариата в руки буржуазии.

Кто забыл старый «экономизм», кто не изучает, не вспоминает его, тому трудно понять и теперешнюю отрывку «экономизма». Припомните бернштейнианское «Credo»^[34]. Из «чисто пролетарских» воззрений и программ люди выводили: нам, социал-демократам, экономику, настоящее рабочее дело, свободу критики всякого политиканства, настоящее углубление социал-демократической работы. Им, либералам, политику. Боже упаси впасть в «революционизм»: это заставит буржуазию отшатнуться. Кто перечтет целиком «Credo» или отдельное Приложение к № 9 «Рабочей Мысли»^[35] (сентябрь 1899 года), тот увидит весь этот ход рассуждения.

Теперь то же самое, только в крупном масштабе, в применении к оценке всей «великой» русской революции, – увы, опошляемой и низводимой до карикатуры уже заранее теоретиками ортодоксального филистерства! Нам, социал-демократам, свободу критики, углубление сознания, действие извне. Им, буржуазным классам, свобода дела, свобода поприща для революционного (читай: либерального) руководства, свобода проведения «реформ» сверху.

Эти вульгаризаторы марксизма никогда не задумывались над словами Маркса о необходимой смене оружия критики критикой оружия^[36]. Всуе приемля имя Маркса, они на деле составляют тактические резолюции совершенно в духе франкфуртских буржуазных говорунов, свободно критиковавших абсолютизм, углублявших демократическое сознание и непонимавших, что время революции есть время действия, действия и сверху и снизу. Превратив марксизм в резонерство, они из идеологии передового, наиболее решительного и энергичного революционного класса сделали идеологию самых неразвитых слоев его, прячущихся от трудных революционно-демократических задач и предоставляющих эти демократические задачи господам Струве.

Если буржуазные классы отшатнутся, вследствие вступления в революционное правительство социал-демократии, от дела революции, то они тем «ослабят ее размах».

Слышите, русские рабочие: размах революции будет сильнее, если ее проведут не отпугиваемые социал-демократами господа Струве, которые хотят не победы над царизмом, а сделки с ним. Размах революции будет сильнее, если из двух возможных исходов ее, очерченных нами выше, осуществится первый, т. е. если монархическая буржуазия сторгуется с самодержавием на «конституции» вроде шиповской!

Социал-демократы, которые пишут в резолюциях для руководства всей партии такие позорные вещи, или которые одобряют эти «удачные» резолюции, до того ослеплены резонерством, вытравившим весь живой дух из марксизма, что они не замечают, как эти резолюции превращают в фразу все их остальные хорошие слова. Возьмите вы любую их статью из «Искры», возьмите даже пресловутую брошюру нашего знаменитого Мартынова, – вы услышите речи о *народном* восстании, о доведении революции *до конца*, о стремлении опереться на *народные низы* в борьбе с непоследовательной буржуазией. Но ведь все эти хорошие вещи превращаются в жалкую фразу с того момента, как вы принимаете или одобряете мысль об «ослаблении», вследствие отчуждения буржуазии, «размаха революции». Одно из двух, господа: или мы с народом должны стремиться провести революцию, одержав полную победу над царизмом, *вопреки* непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии; – или мы не допускаем этого «вопреки», мы боимся, как бы не «отшатнулась» буржуазия, и тогда мы предаем пролетариат и народ буржуазии, непоследовательной, своекорыстной и трусливой буржуазии.

Не вздумайте перетолковывать моих слов. Не кричите, что вас обвиняют в сознательном предательстве. Нет, вы так же бессознательно лезли все время и залезли теперь в болото, как старые «экономисты», влекомые неудержимо и безвозвратно вниз по наклонной плоскости «углубления» марксизма до антиреволюционного, бездушного и безжизненного «умничанья».

От каких реальных общественных сил зависит «размах революции», подумали ли вы об этом, господа? Оставим в стороне силы внешней политики, международных комбинаций, которые сложились очень выгодно для нас теперь, но которые мы все исключаем из рассмотрения, и исключаем справедливо, поскольку вопрос идет о внутренних силах России. Посмотрите на эти внутренние общественные силы. Против революции стоит самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высшей знати. Чем глубже возмущение в народе, тем ненадежнее становится войско, тем больше колебания в чиновничестве. Далее, буржуазия в общем и целом стоит теперь за революцию, усердствуя с речами о свободе, все чаще и чаще заговаривая от имени народа и даже от имени революции⁴¹^[152]. Но мы все, марксисты, знаем из теории и наблюдаем ежедневно и ежечасно на примере наших либералов, земцев и освобожденцев, что буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернет, в своей массе, на сторону контрреволюции, на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы, как только «отшатнется» она от последовательного демократизма (*а она уже теперь отшатывается от него!*). Остается «народ», то есть пролетариат и крестьянство: пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота. Поэтому пролетариат и борется за республику в пер-

⁴¹ Интересно в этом отношении открытое письмо г. Струве к Жоресу, напечатанное недавно этим последним в газете «L'Humanité»^[152] и г-ном Струве в № 72 «Освобождения».

^[152] «L'Humanité» («Человечество») – ежедневная газета, основанная в 1904 году Ж. Жоресом как орган Французской социалистической партии. В 1905 году газета приветствовала начавшуюся революцию в России, выражая солидарность французского народа «с русской нацией, творящей свой 89 год». Редакция газеты организовала сбор средств в пользу русской революции. В годы первой мировой войны (1914–1918) газета находилась в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии, занимала шовинистическую позицию. В 1918 году во главе газеты, ее политическим директором стал выдающийся деятель французского и международного рабочего движения Марсель Кашен. В 1918–1920 годах газета выступала против империалистической политики французского правительства, направившего свои вооруженные силы для борьбы против страны Советов. С декабря 1920 года, после раскола Французской социалистической партии в Туре и образования Коммунистической партии Франции, газета стала ее центральным органом. В начале второй мировой войны, в августе 1939 года, газета была запрещена французским правительством и перешла на нелегальное положение. В период оккупации Франции гитлеровскими войсками (1940–1944) газета выходила в подполье, сыграв огромную роль в борьбе за освобождение Франции от фашистских захватчиков. В послевоенный период газета ведет неустанную борьбу за укрепление национальной независимости страны, за единство действий рабочего класса, за укрепление мира и дружбы между народами, за демократию и социальный прогресс.

вых рядах, с презрением отбрасывая глупые и недостойные его советы считаться с тем, не отшатнется ли буржуазия. Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов наряду с мелкобуржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции. Крестьянство неизбежно станет таковым, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата» Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, оплотом революции и республики, ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству *все* в области земельных реформ, *все то*, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему (не для уничтожения капитализма, как воображают «социалисты-революционеры», а) для того, чтобы подняться из тины полукрепостничества, из мрака забитости и холопства, чтобы улучшить свои условия жизни настолько, насколько это только допустимо в пределах товарного хозяйства.

Мало того: не только радикальное аграрное преобразование привязывает крестьянство к революции, но и все общие и постоянные интересы крестьянства. Даже в борьбе с пролетариатом крестьянство нуждается в демократии, ибо только демократический строй способен точно выразить его интересы и дать преобладание ему, как массе, как большинству. Чем просвещеннее будет крестьянство (а со времени войны с Японией оно просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой), тем последовательнее и решительнее оно будет стоять за полный демократический переворот, ибо ему не страшно, как буржуазии, а выгодно верховенство народа. Демократическая республика станет его идеалом, как только оно станет избавляться от наивного монархизма, ибо сознательный монархизм маклерствующей буржуазии (с верхней палатой и т. д.) означает для крестьянства ту же несправдливость, ту же забитость и темноту, чуть-чуть только подкрашенную европейски-конституционным лаком.

Вот почему буржуазия, как класс, естественно и неизбежно стремится под крылышко либерально-монархической партии, а крестьянство, как масса, — под руководство революционной и республиканской партии. Вот почему буржуазия не способна довести демократической революции до конца, а крестьянство способно довести революцию до конца, и мы должны всеми силами помочь ему в этом.

Мне возразят: это не к чему доказывать, это азбука, это все социал-демократы прекрасно понимают. Нет, этого не понимают те, кто способен говорить об «ослаблении размаха» революции вследствие отпадения от нее буржуазии. Такие люди повторяют заученные слова нашей аграрной программы, но не понимают их значения, ибо иначе они не боялись бы неизбежно вытекающего из всего марксистского мировоззрения и из нашей программы понятия революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, иначе они не ограничивали бы размах великой русской революции размахом буржуазии. Такие люди побивают свои абстрактные марксистские революционные фразы своими конкретными антимарксистскими и антиреволюционными резолюциями.

Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, тот не способен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным

революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом. Для того, чтобы быть последовательно доведенной до конца, наша демократическая революция должна опереться на такие силы, которые способны парализовать неизбежную непоследовательность буржуазии (т. е. способны именно «заставить ее отшатнуться», чего боятся, по недомыслию, кавказские сторонники «Искры»).

Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют новоискровцы во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции.

Не надо забывать только одного обстоятельства, часто упускаемого из виду при рассуждениях на тему об этом «размахе». Не надо забывать, что речь идет не о трудностях задачи, а о том, на каком пути искать и добиваться решения ее. Речь идет не о том, легко или трудно сделать размах революции могучим и непобедимым, а о том, как поступать следует для усиления этого размаха. Расхождение касается именно основного характера деятельности, самого направления ее. Мы подчеркиваем это, потому что невнимательные и недобросовестные люди слишком часто смешивают два различных вопроса: вопрос о направлении пути, т. е. о выборе одного из двух различных путей, и вопрос о легкости осуществления цели или близости ее осуществления на данном пути.

Этого последнего вопроса мы совершенно не касались в предыдущем изложении, ибо этот вопрос не вызывал у нас разногласий и расхождения внутри партии. Но, разумеется, сам по себе вопрос этот крайне важен и заслуживает серьезнейшего внимания всех социал-демократов. Было бы непозволительным оптимизмом забывать о тех трудностях, которые связаны с вовлечением в движение массы не только рабочего класса, но и крестьянства. Именно об эти трудности сламывались не раз усилия довести до конца демократическую революцию, причем торжествовала всего более непоследовательная и своекорыстная буржуазия, которая и «приобретала капитал» монархической защиты от народа и «соблюдала невинность» либерализма... или «освобожденства». Но трудность не есть неисполнимость. Важна уверенность в правильном выборе пути, и эта уверенность усиливает стократ революционную энергию и революционный энтузиазм, способные совершать чудеса.

13. Заключительные замечания к резолюции (157)

Надо, безусловно раскритиковать с сочувствием 28-е
в резолюции социал-демократов, в отношении к бур-
жуазии, на которую падает вся тяжесть революционной
борьбы со всеми ее осложнениями, и тем более с учетом
ее и ее оппортунистических друзей, особенно в вопросе о
свободе, насчет того, насколько это важно для нас
на 28-е резолюции, насчет того, насколько важно
решение вопроса о свободе социал-демократов
двух сторон. С одной стороны, дескать, революция из-
за отсутствия свободы, свободы, революционной работы,
непримиримости революционной пролетарии и буржуазии,
поддерживать себя, укреплять доверие к 7-й. С
другой стороны, поддерживать свободу, свободу
революции, революционной работы, угрожать
на непримиримость революционной пролетарии, револю-
ционной буржуазии, революционной демократии бур-
жуазии, временное революционное правительство. На
этом же другой стороне и вообще революционной,

157-я страница рукописи В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократи-
ческой революции». — 1905 г. (Уменьшено)

До какой степени глубоко расхождение между современными социал-демократами по
вопросу о выборе пути, видно сразу из сопоставления кавказской резолюции ново-искров-
цев и резолюции III съезда Российской социал-демократической рабочей партии. Резолю-
ция съезда говорит: буржуазия непоследовательна, она непременно будет стараться отнять
у нас завоевания революции. Поэтому готовьтесь энергичнее к борьбе, товарищи рабочие,
вооружайтесь, привлекайте на свою сторону крестьянство. Мы не уступим своекорыстной
буржуазии наших революционных завоеваний без боя, Резолюция кавказских новоискров-
цев говорит: буржуазия непоследовательна, она может отшатнуться от революции. Поэтому,
товарищи рабочие, не думайте, пожалуйста, об участии во временном правительстве, ибо
тогда буржуазия наверное отшатнется и размах революции будет от этого слабее!

Одни говорят: двигайте революцию вперед, до конца, вопреки сопротивлению или пассивности непоследовательной буржуазии.

Другие говорят: не думайте о самостоятельном проведении революции до конца, ибо от нее отшатнется тогда непоследовательная буржуазия.

Разве перед нами не два диаметрально противоположные пути? Разве не очевидно, что одна тактика безусловно исключает другую? Что первая тактика есть единственно верная тактика революционной социал-демократии, а вторая в сущности тактика чисто освободительная?

13. Заключение. смеем ли мы победить?

Люди, поверхностно знакомые с положением дел в российской социал-демократии или судящие со стороны, не знающие истории всей нашей внутрипартийной борьбы со времени «экономизма», очень часто отделиваются и от определившихся теперь, особенно после III съезда, тактических разногласий простой ссылкой на две естественные, неизбежные, вполне примиримые тенденции всякого социал-демократического движения. С одной стороны, дескать, усиленное подчеркивание обычной, текущей, повседневной работы, необходимости развивать пропаганду и агитацию, готовить силы, углублять движение и т. д. С другой стороны, подчеркивание боевых, общеполитических, революционных задач движения, указание на необходимость вооруженного восстания, выдвигание лозунгов: революционно-демократическая диктатура, временное революционное правительство. Ни той, ни другой стороны не следует преувеличивать, ни там, ни здесь (как и вообще нигде на свете) нехороши крайности и т. д. и т. п.

Дешевые истины житейской (и «политической» в кавычках) мудрости, которые, несомненно, имеются в подобных рассуждениях, слишком часто прикрывают, однако, непонимание насущных, наболевших нужд партии. Возьмите современные тактические разногласия среди русских социал-демократов. Разумеется, само по себе усиленное подчеркивание повседневной, будничной стороны работы, которое мы видим в новоискровских рассуждениях о тактике, ничего опасного не могло бы еще представить и никакого расхождения в тактических лозунгах не могло бы вызвать. Но достаточно сравнить резолюции III съезда Российской социал-демократической рабочей партии с резолюциями конференции, чтобы это расхождение бросилось в глаза.

В чем же дело? А в том, во-первых, что мало одного общего, абстрактного указания на две струи в движении и на вред крайностей. Надо знать конкретно, чем страдает данное движение в данный момент, в чем теперь заключается реальная политическая опасность для партии. Во-вторых, надо знать, каким реальным политическим силам подливают воду на мельницу те или иные тактические лозунги, — может быть, то или иное отсутствие лозунгов. Послушайте новоискровцев — и вы придете к выводу, что партии социал-демократии грозит опасность выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооруженными нападениями, захватом власти и т. д. На самом же деле реальная опасность грозит партии совсем с другой стороны. Кто знает сколько-нибудь близко состояние движения, кто внимательно и вдумчиво следит за ним, тот не может не видеть смешной стороны новоискровских страхов. Вся работа Российской социал-демократической рабочей партии вполне отлилась уже в прочные, неизменные рамки, безусловно обеспечивающие сосредоточение центра тяжести в пропаганде и агитации, летучках и массовках, распространении листовок и брошюр, содействии экономической борьбе и подхватывании ее лозунгов. Нет ни одного комитета партии, ни одного районного комитета, ни одной центральной сходки, ни одной заводской группы, в которой бы девяносто девять сотых внимания, сил и времени не уделялось всегда и

постоянно всем этим функциям, упрочившимся еще со второй половины девяностых годов. Не знают этого только люди, вовсе незнакомые с движением. Принимать за чистую монету новоискровское повторение задов, когда оно делается с особо важным видом, могут только очень наивные или неосведомленные люди.

Факт тот, что не только не увлекаются у нас чересчур задачами восстания, общеполитическими лозунгами, делом руководства всей народной революции, а, наоборот, *отсталость* именно в этом отношении бьет в глаза, составляет самое больное место, представляет реальную опасность движения, которое может выродиться и кое-где вырождается из революционного на деле в революционное на словах. Из многих и многих сотен организаций, групп и кружков, выполняющих работу партии, вы не найдете ни одного, в котором с самого его возникновения не велась бы та повседневная работа, о которой с видом людей, открывших новые истины, повествуют мудрецы из новой «Искры». И, наоборот, вы найдете ничтожный процент групп и кружков, созавших задачи вооруженного восстания, приступивших к выполнению их, давших себе отчет в необходимости руководить всей народной революцией против царизма, в необходимости выдвигать для этого такие именно, а не другие передовые лозунги.

Мы невероятно отстали от передовых и действительно революционных задач, мы не сознали еще их в массе случаев, мы прозевали и там и тут усиление революционной буржуазной демократии за счет нашей отсталости в этом отношении. А писатели новой «Искры», повернувшись спиною к ходу событий и к запросам времени, твердят упорно: не забывайте старого! не увлекайтесь новым! Это – основной неизменный мотив всех существенных резолюций конференции, тогда как в резолюциях съезда вы также неизменно читаете: подтверждая старое (и не останавливаясь на его разжевывании именно потому, что оно есть старое, уже решенное и закреплённое литературой, резолюциями и опытом), выдвигаем новую задачу, обращаем внимание на нее, ставим новый лозунг, требуем от действительно революционных социал-демократов немедленной работы над его проведением в жизнь.

Вот как стоит на самом деле вопрос о двух течениях в тактике социал-демократии. Революционная эпоха выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни с.-д. решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, временного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятятся назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового наряду с подтверждением старого, разжевывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий решительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы.

Политический результат этого хвостизма у нас налицо. Басня о сближении «большинства» Российской социал-демократической рабочей партии с революционной буржуазной демократией остается басней, не подтверждаемой ни единым политическим фактом, ни единой влиятельной резолюцией «большевиков», ни единым актом III съезда Российской социал-демократической рабочей партии. А между тем, оппортунистическая, монархическая буржуазия в лице «Освобождения» издавна *приветствует* «принципиальные» тенденции новоискровства, а теперь уже прямо их водой вертит свою мельницу, воспринимает все их словечки и «идейки» против «конспирации» и «бунта», против преувеличения «технической» стороны революции, против прямого выставления лозунга вооруженного восстания, против «революционизма» крайних требований и т. д. и т. п. Резолюция целой конференции социал-демократов-«меньшевиков» на Кавказе и одобрение этой резолюции редакцией новой «Искры» подводит недвусмысленный политический итог всему этому: как бы не отшатнулась буржуазия в случае участия пролетариата в революционно-демократической

диктатуре! Этим все сказано. Этим окончательно закреплено превращение пролетариата в прихвостня монархической буржуазии. Этим доказано на деле, не случайным заявлением одного лица, а резолюцией, специально одобренной целым направлением, доказано *политическое значение* новоискровского хвостизма.

Кто вдумывается в эти факты, тот поймет действительное значение ходячих указаний на две стороны и две тенденции социал-демократического движения. Возьмите бернштейниаду, чтобы на крупном масштабе изучить эти тенденции. Ведь бернштейнианцы точь-в-точь твердили и твердят, что именно они понимают истинные нужды пролетариата, задачи роста его сил, углубления всей работы, подготовки элементов нового общества, пропаганды и агитации. Мы требуем открытого признания того, что есть! – говорит Бернштейн, освящая этим «движение» *без* «конечной цели», освящая одну оборонительную тактику, проповедуя тактику боязни, «как бы не отшатнулась буржуазия». И бернштейнианцы кричали о «якобинизме» революционных социал-демократов, о «литераторах», не понимающих «рабочей самостоятельности» и т. д. и т. д. На деле, как всем известно, революционные социал-демократы и не думали забрасывать повседневной и мелкой работы, подготовки сил и пр., и пр. Они только требовали ясного сознания конечной цели, ясной постановки революционных задач, они хотели поднимать полупролетарские и полумелкобуржуазные слои до революционности пролетариата, а не принижать эту последнюю до оппортунистических соображений, «как бы не отшатнулась буржуазия». Едва ли не самым рельефным выражением этой розни между интеллигентски-оппортунистическим и пролетарски-революционным крылом партии явился вопрос: *dürfen wir siegen?* «смеем ли мы победить?» позволительно ли нам победить? не опасно ли нам победить? следует ли нам побеждать? Станный на первый взгляд, вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись победы, отпугивали пролетариат от нее, пророчили беды от нее, высмеивали лозунги, прямо зовущие к ней.

То же основное деление на интеллигентски-оппортунистическую и пролетарски-революционную тенденцию имеется у нас с тою лишь, весьма существенною, разницей, что речь идет не о социалистическом, а о демократическом перевороте. У нас тоже поставлен нелепый на первый взгляд вопрос: «смеем ли мы победить?». Он поставлен Мартыновым в его «Двух диктатурах», пророчивших беды от того, если мы очень хорошо подготовим и вполне успешно проведем восстание. Он поставлен всей литературой новоискровцев по вопросу о временном революционном правительстве, причем усердно, но безуспешно пытались все время смешать участие Мильерана в буржуазно-оппортунистическом правительстве с участием Варлена^[37] в мелкобуржуазном революционном правительстве. Он закреплен резолюцией «как бы не отшатнулась буржуазия». И хотя Каутский, например, пробует теперь иронизировать, что наши споры о временном революционном правительстве похожи на дележ шкуры еще не убитого медведя, но эта ирония показывает лишь, как даже умные и революционные социал-демократы попадают впросак, когда говорят о том, что известно им только понаслышке. Немецкая социал-демократия еще не слишком близка к тому, чтобы убить медведя (совершить социалистический переворот), но спор о том, «смеем» ли мы убивать его, имел громадное принципиальное и практически-политическое значение. Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос о том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение. Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить.

Возьмите старых наших «экономистов». Они тоже кричали, что их противники – заговорщики, якобинцы (см. «Рабочее Дело», особенно № 10, и речь Мартынова при дебатах на II съезде^[38] о программе), что они отрываются от массы, бросаясь в политику, что они

забывают основы рабочего движения, не считаются с рабочей самостоятельностью и проч., и проч. На самом же деле эти сторонники «рабочей самостоятельности» были интеллигентами-оппортунистами, навязывавшими рабочим свое узкое и филистерское понимание задач пролетариата. На самом деле противники «экономизма», как может видеть всякий по старой «Искре», не забросили и не отодвинули на задний план ни одной из сторон социал-демократической работы, нисколько не забыли экономической борьбы, умея в то же время поставить во всей широте насущные и очередные политические задачи, противодействуя превращению рабочей партии в «экономический» придаток либеральной буржуазии.

Экономисты заучили, что в основе политики лежит экономика, и «поняли» это так, что надо принижать политическую борьбу до экономической. Новоискровцы заучили, что демократический переворот имеет в экономической основе своей буржуазную революцию, и «поняли» это так, что надо принижать демократические задачи пролетариата до уровня буржуазной умеренности, до того предела, за которым «отшатнется буржуазия». «Экономисты» под предлогом углубления работы, под предлогом рабочей самостоятельности и чисто классовой политики, – на деле отдавали рабочий класс в руки либерально-буржуазных политиков, т. е. вели партию по пути, объективное значение которого было именно таково. Новоискровцы, под теми же самыми предложениями, на деле предают буржуазии интересы пролетариата в демократической революции, т. е. ведут партию по пути, объективное значение которого именно таково. «Экономистам» казалось, что главенство в политической борьбе не дело социал-демократов, а собственно дело либералов. Новоискровцам кажется, что активное проведение демократической революции не дело социал-демократов, а собственно дело демократической буржуазии, ибо руководство и первенствующее участие пролетариата «ослабит размах» революции.

Одним словом, новоискровцы являются эпигонами «экономизма» не только по происхождению своему на втором съезде партии, но и по теперешней постановке ими тактических задач пролетариата в демократической революции. Это – тоже интеллигентски-оппортунистическое крыло партии. В организации оно дебютировало анархическим индивидуализмом интеллигентов и закончило «дезорганизацией-процессом», закрепив в «уставе»^[39], принятом конференцией, оторванность литературы от партийной организации, не прямые, чуть ли не четырехстепенные, выборы, систему бонапартистских плебисцитов вместо демократического представительства, наконец, принцип «соглашения» между частью и целым. В тактике партии они катились по такой же наклонной плоскости. В «плане земской кампании» они объявили «высшим типом демонстрации» выступление перед земцами, находя на политической сцене только две активные силы (накануне 9-го января!) – правительство и буржуазную демократию. Насущную задачу вооружения они «углубляли», заменяя прямой практический лозунг призывом вооружить жгучей потребностью самовооружения. Задачи вооруженного восстания, временного правительства, революционно-демократической диктатуры извращены и притуплены ими теперь в официальных их резолюциях. «Как бы не отшатнулась буржуазия» – этот заключительный аккорд последней их резолюции проливает полный свет на вопрос о том, куда ведет партию их путь.

Демократический переворот в России есть революция, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам. Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т. е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная. Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии. Ее представители первые выставили это требование. Ее сторонники воспользовались повсюду, как хозяева, полученной свободой, сводя ее к умеренной и аккуратной буржуазной мерке, совмещающая ее с самым утонченным в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата.

Но выводить из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». Навязывать эти интеллигентски-филистерские учения пролетариату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивлению. Пролетариат схватывал чутьем, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и организует буржуазию. Не в уклонении от классовой борьбы ждет своего спасения пролетариат, а в ее развитии, в увеличении ее широты, сознательности, организованности, решительности. Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря тред-юниона. Кто принижает пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожака свободного рабочего союза.

Да, *народной* революции. Социал-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ. Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа.

Вот что так часто не понимают современные новоискровцы, заменяющие выставление активных политических лозунгов в демократической революции одним резонерским повторением слова: «классовый» во всех родах и во всех падежах!

Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Как представители передового и единственно-революционного, без оговорок, без сомнений, без оглядок назад революционного, класса, мы должны как можно шире, смелее, инициативнее ставить перед всем народом задачи демократического переворота. Принижение этих задач есть теоретически карикатура на марксизм и филистерское извращение его, а практически-политически есть передача дела революции в руки буржуазии, которая неизбежно отшатнется от последовательного проведения революции. Трудности, которые стоят на пути полной победы революции, очень велики. Никто не сможет осудить представителей пролетариата, если они сделают все, что в их силах, и если все их усилия разобьются о сопротивление реакции, о предательство буржуазии, о темноту массы. Но все и каждый — и прежде всего сознательный пролетариат — осудит социал-демократию, если она будет урезывать революционную энергию демократического переворота, урезывать революционный энтузиазм боязнью победить, соображениями о том, как бы не отшатнулась буржуазия. Революции — локомотивы истории — говорил Маркс^[40]. Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятель-

ности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освобожденской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные, компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т. е. к *революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства*.

Слов нет, в бурное время больше опасностей угрожает нашему партийному кораблю, чем при тихом «плавании» либерального прогресса, означающего мучительно-медленное выжимание соков из рабочего класса его эксплуататорами. Слов нет, задачи революционно-демократической диктатуры в тысячу раз труднее и сложнее, чем задачи «крайней оппозиции» и одной только парламентской борьбы. Но кто в настоящий революционный момент сознательно способен предпочесть мирное плавание и путь безопасной «оппозиции», – тот пусть лучше уйдет на время от социал-демократической работы, пусть дожидается конца революции, когда минет праздник, снова начнутся будни, когда его буднично-ограниченная мерка не будет таким отвратительным диссонансом, таким уродливым извращением задач передового класса.

Во главе всего народа и в особенности крестьянства – за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых – за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции.

Послесловие. Еще раз освобождение, еще раз новоискровство

Номера 71–72 «Освобождения» и 102–103 «Искры» дали новый, чрезвычайно богатый материал по вопросу, которому мы посвятили § 8-ой нашей брошюры. Не имея никакой возможности использовать здесь весь этот богатый материал, мы остановимся лишь на главнейшем: во-первых, на том, какого рода «реализм» расхваливает «Освобождение» в социал-демократии и почему оно должно его расхваливать; во-вторых, на соотношении понятий: революция и диктатура.

I. За что хвалят буржуазно-либеральные реалисты «реалистов» социал-демократических?

Статьи: «Раскол в русской социал-демократии» и «Торжество здравого смысла» (№ 72 «Освобождения») представляют из себя замечательно ценное для сознательных пролетариев суждение представителей либеральной буржуазии о социал-демократии. Нельзя достаточно сильно рекомендовать всякому социал-демократу ознакомиться с этими статьями в их пол-

ном виде и *продумать* каждую фразу в них⁴². Мы воспроизведем прежде всего главные положения обеих статей:

«Постороннему наблюдению, – говорит «Освобождение», – довольно трудно уловить реальный политический смысл разногласия, разбившего социал-демократическую партию на две фракции. Определение фракции «большинства», как более радикальной и прямолинейной, в отличие от «меньшинства», допускающего в интересах дела некоторые компромиссы, не вполне точно и, во всяком случае, не представляет исчерпывающей характеристики. По крайней мере, традиционные догматы марксистской ортодоксии блюдятся фракцией меньшинства, пожалуй, еще с большей ревностью, чем фракцией Ленина. Более точной представляется нам следующая характеристика. Основным политическим настроением «большинства» является отвлеченный революционизм, бунтарство, стремление какими угодно средствами поднять восстание в народной массе и от ее имени немедленно захватить власть; это до известной степени сближает «ленинцев» с социалистами-революционерами и заслоняет в их сознании идею классовой борьбы идеей всенародной русской революции; отрекаясь на практике от многих узостей социал-демократической доктрины, «ленинцы», с другой стороны, насквозь пропитаны узостью революционизма, отказываются от всякой другой практической работы, кроме приготовления немедленного восстания, принципиально игнорируют все формы легальной и полулегальной агитации и все виды практически полезных компромиссов с другими оппозиционными течениями. Напротив, меньшинство, крепко держась за догму марксизма, вместе с тем сохраняет и реалистические элементы марксистского мирозерцания. Основной идеей этой фракции является противопоставление интересов «пролетариата» интересам буржуазии. Но, с другой стороны, борьба пролетариата мыслится – конечно, в известных пределах, диктуемых незыблемыми догматами социал-демократии, – реалистически трезво, с ясным сознанием всех конкретных условий и задач этой борьбы. Обе фракции проводят свою основную точку зрения не вполне последовательно, так как они связаны в своем идейно-политическом творчестве строгими формулами социал-демократического катехизиса, которые мешают «ленинцам» стать прямолинейными бунтарями, по образцу некоторых, по крайней мере, социалистов-революционеров, а «искровцам» – практическими руководителями реального политического движения рабочего класса».

И, приводя далее содержание главных резолюций, писатель «Освобождения» поясняет несколькими конкретными замечаниями по поводу них свои общие «мысли». По сравнению с III съездом, говорит он, «совершенно иначе относится к вооруженному восстанию конференция меньшинства». «В связи с отношением к вооруженному восстанию» стоит различие резолюций о временном правительстве. «Такое же разногласие обнаруживается и в отношении к профессиональным рабочим союзам. «Ленинцы» в своих резолюциях даже не обмолвились ни

⁴² В рукописи далее следует зачеркнутый текст: «Суждение самых заклятых, самых сильных (в современном обществе) и самых умных врагов социал-демократии (из всех современных врагов ее) представляет из себя положительно неоптимальный материал для политического просвещения самих социал-демократов». *Ред.*

словом об этой важнейшей исходной точке политического воспитания и организации рабочего класса. Наоборот, меньшинство выработало очень серьезную резолюцию». По отношению к либералам обе фракции, дескать, единодушны, но III съезд «повторяет почти дословно резолюцию Плеханова об отношении к либералам, принятую на II съезде, и отвергает принятую тем же съездом, более благосклонную к либералам, резолюцию Старовера». При общей однородности резолюций съезда и конференции о крестьянском движении ««большинство» более подчеркивает идею революционной конфискации помещичьих и т. д. земель, тогда как «меньшинство» основой своей агитации хочет сделать требования демократических государственных и административных реформ».

Наконец, «Освобождение» цитирует из № 100 «Искры» одну меньшевистскую резолюцию, главный пункт которой гласит: «Ввиду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе достаточного участия ее в партийной жизни и отчасти ведет к противопоставлению массы, как таковой, партии, как нелегальной организации, необходимо последней взять в свои руки ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с социал-демократическими задачами». По поводу этой резолюции «Освобождение» восклицает: «Мы горячо приветствуем эту резолюцию как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии».

Теперь читатель имеет перед собою все существенные суждения «Освобождения». Было бы величайшей ошибкой, разумеется, считать верными в смысле соответствия объективной истине эти суждения. Ошибки легко откроет в них на каждом шагу всякий социал-демократ. Было бы наивностью забывать, что все эти суждения насквозь пропитаны интересами и точкой зрения либеральной буржуазии, что они насквозь пристрастны и тенденциозны в этом смысле. Они отражают взгляды социал-демократии так же, как вогнутое или выпуклое зеркало отражает предметы. Но еще большей ошибкой было бы забвение того, что эти буржуазно-извращенные суждения отражают, в конечном счете, действительные интересы буржуазии, которая, как класс, несомненно верно понимает, какие тенденции внутри социал-демократии ей, буржуазии, выгодны, близки, родственны, симпатичны, и какие – вредны, далеки, чужды, антипатичны. Буржуазный философ или буржуазный публицист никогда не поймет социал-демократии правильно, ни меньшевистской, ни большевистской социал-демократии. Но если это хоть сколько-нибудь толковый публицист, то его не обманет его классовый инстинкт, и значение для буржуазии того или иного течения внутри социал-демократии он всегда схватит в сущности верно, хотя и изобразит превратно. Классовый инстинкт нашего врага, классовое суждение его всегда заслуживает поэтому самого серьезного внимания всякого сознательного пролетария.

Что же говорит нам, устами освобожденцев, классовый инстинкт российской буржуазии?

Он совершенно определенно выражает свое удовольствие по поводу тенденций новоискровства, хваля его за реализм, трезвость, торжество здравого смысла, серьезность резолюций, тактическое просветление, практичность и т. д., – и неудовольствие по поводу тенденций III съезда, порицая его за узость, революционизм, бунтарство, отрицание практически-полезных компромиссов и т. д. Классовый инстинкт буржуазии подсказывает ей как раз то, что неоднократно самыми точными данными было доказано в нашей литературе, именно: что новоискровцы представляют из себя оппортунистическое, а их противники – революционное крыло современной русской социал-демократии. Либералы не могут

не сочувствовать тенденциям первого, не могут не порицать тенденций второго. Либералы, как идеологи буржуазии, прекрасно понимают, что для буржуазии выгодна «практичность, трезвость, серьезность» рабочего класса, т. е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т. д. Буржуазии опасна и страшна «революционистская узость» пролетариата и его стремление во имя его классовых задач добиваться руководящей роли в общенародной русской революции.

Что действительно таков смысл слова «реализм», в освобожденском значении его, это видно, между прочим, из прежнего употребления его «Освобождением» и г. Струве. Сама «Искра» не могла не признать *такого* значения освобожденского «реализма». Вспомните, например, статью «Пора!» в приложении к № 73–74 «Искры». Автор этой статьи (последовательный выразитель взглядов «болота» на втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии) прямо выразил свое мнение, что «Акимов сыграл на съезде роль скорее призрака оппортунизма, чем его действительного представителя». И редакция «Искры» сейчас же вынуждена была поправить автора статьи «Пора!», заявив в примечании:

«С этим мнением нельзя согласиться. На программных взглядах тов. Акимова лежит явная печать оппортунизма, что признает и критик «Освобождения» — в одном из его последних номеров, отмечая, что тов. Акимов примыкает к «реалистическому», — читай: ревизионистскому, — направлению»⁴³.

Итак, «Искра» сама прекрасно знает, что освобожденский «реализм» есть именно оппортунизм и ничто иное. Если теперь, нападая на «либеральный реализм» (№ 102 «Искры»), «Искра» умалчивает о том, как *ее похвалили либералы* за реализм, то умолчание это объясняется тем, что такие похвалы горше всяких порицаний. Такие похвалы (не случайно и не в первый раз высказанные «Освобождением») доказывают на деле родство либерального реализма и тех тенденций социал-демократического «реализма» (читай: оппортунизма), которые сквозят в каждой резолюции новоискровцев, благодаря ошибочности всей их тактической позиции.

В самом деле, российская буржуазия вполне уже обнаружила свою непоследовательность и корыстность в «общенародной» революции, — обнаружила и рассуждениями господина Струве, и всем тоном и содержанием массы либеральных газет, и характером политических выступлений массы земцев, массы интеллигентов, вообще всяких сторонников гг. Трубецкого, Петрункевича, Родичева и К°. Буржуазия не всегда, конечно, отчетливо понимает, но в общем и целом превосходно схватывает классовым чутьем, что, с одной стороны, пролетариат и «народ» полезен для *ее* революции, как пушечное мясо, как таран против самодержавия, но что, с другой стороны, пролетариат и революционное крестьянство страшно опасны для нее в случае, если они одержат «решительную победу над царизмом» и доведут до конца демократическую революцию. Поэтому буржуазия всеми силами стремится к тому, чтобы пролетариат удовлетворился «скромной» ролью в революции, чтобы он был трезвеннее, практичнее, реалистичнее, чтобы его деятельность определялась принципом: «как бы не отшатнулась буржуазия». Интеллигентные буржуа прекрасно знают, что рабочего движения им не избыть. Они поэтому выступают вовсе не против рабочего движения, вовсе не против классовой борьбы пролетариата, — нет, они даже расшаркиваются всячески перед свободой стачек, культурной классовой борьбой, понимая рабочее движение и классовую борьбу в брентановском или гирш-дункеровском смысле. Другими словами, они вполне готовы «уступить» рабочим (фактически уже почти отвоєванную самими рабочими)

⁴³ В рукописи далее следует: «(Сравни листок «Услужливый либерал», изд. «Вперед»)» (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 71–74). *Ред.*

свободу стачек и союзов, лишь бы рабочие отказались от «бунтарства», от «узкого революционизма», от вражды к «практически-полезным компромиссам», от претензий и стремлений наложить на «всемирную русскую революцию» печать *своей* классовой борьбы, печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, «плебейского якобинизма». Интеллигентные буржуа во всей России тысячами способов и путей, – книгами⁴⁴, лекциями, речами, беседами и пр., и пр. – стараются поэтому изо всех сил внушить рабочим идеи (буржуазной) трезвости, (либеральной) практичности, (оппортунистического) реализма, (брентановской) классовой борьбы, (гирш-дункеровских) профессиональных союзов^[41] и пр. Два последние лозунга особенно удобны для буржуев «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии, ибо по внешности они совпадают с марксистскими, ибо при маленьком умолчании и небольшом извращении их легко смешать с социал-демократическими, даже иногда выдать за социал-демократические. Вот, напр., легальная либеральная газета «Рассвет»^[42] (о которой мы постараемся побеседовать как-нибудь подробнее с читателями «Пролетария») говорит нередко такие «смелые» вещи о классовой борьбе, о возможном обмане пролетариата буржуазией, о рабочем движении, о самостоятельности пролетариата и т. д. и т. п., что невнимательный читатель и неразвитый рабочий легко примут ее «социал-демократизм» за чистую монету. А на деле это – буржуазная подделка под социал-демократизм, оппортунистическое извращение и искажение понятия классовой борьбы.

В основе всего этого гигантского (по широте воздействия на массы) буржуазного подмена лежит тенденция свести рабочее движение преимущественно к профессиональному движению, удержать его подальше от самостоятельной (т. е. революционной и направленной к демократической диктатуре) политики, «заслонить в их, рабочих, сознании идею всемирной русской революции идеей классовой борьбы».

Как видит читатель, мы перевернули вверх ногами формулировку «Освобождения». Это – превосходная формулировка, выражающая прекрасно два взгляда на роль пролетариата в демократической революции, взгляд буржуазный и взгляд социал-демократический. Буржуазия хочет свести пролетариат к одному профессиональному движению и тем «заслонить в его сознании идею всемирной русской революции идеей (*брентановской*) классовой борьбы», – совершенно в духе бернштейнианских авторов «Credo», заслонявших в сознании рабочих идею политической борьбы идеей «чисто рабочего» движения. Социал-демократия же хочет, наоборот, развить классовую борьбу пролетариата в руководящее участие его в всемирной русской революции, т. е. довести эту революцию до демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Революция у нас всемирная, – говорит буржуазия пролетариату. – Поэтому ты, как особый класс, должен ограничиться своей классовой борьбой, – должен, во имя «здорового смысла», направить главное внимание на профессиональные союзы и легализацию их, – должен считать именно эти профессиональные союзы «важнейшей исходной точкой своего политического воспитания и организации», – должен вырабатывать в революционный момент преимущественно «серьезные» резолюции, вроде новоисковской, – должен бережливо относиться к резолюциям, «более благосклонным к либералам», – должен предпочитать руководителей, имеющих тенденцию стать «практическими руководителями реального политического движения рабочего класса», – должен «сохранять реалистические элементы марксистского мирозерцания» (если уже ты заразился, к сожалению, «строгими формулами» этого «ненаучного» катехизиса).

Революция у нас всемирная, – говорит социал-демократия пролетариату. – Поэтому ты должен, как самый передовой и единственный до конца революционный класс, стре-

⁴⁴ Сравни: Прокопович: «Рабочий вопрос в России».

миться не только к самому энергичному, но и руководящему участию в ней. Поэтому ты должен не замыкаться в узко понятые рамки классовой борьбы, преимущественно в смысле профессионального движения, а, наоборот, стремиться расширить рамки и содержание своей классовой борьбы *до охватывания* этими рамками не только *всех* задач настоящей, демократической, всенародной русской революции, но и задач дальнейшей социалистической революции. Поэтому, не игнорируя профессионального движения, не отказываясь пользоваться малейшим простором легальности, ты должен в эпоху революции на первый план выдвинуть задачи вооруженного восстания, образования революционной армии и революционного правительства, как единственных путей к полной победе народа над царизмом, к завоеванию демократической республики и настоящей политической свободы.

Излишне говорить о том, какую половинчатую, непоследовательную и, естественно, симпатичную буржуазии позицию заняли в этом вопросе, благодаря их ошибочной «линии», новоискровские резолюции.

II. Новое «углубление» вопроса тов. Мартыновым

Перейдем к мартыновским статьям в №№ 102 и 103 «Искры». Само собою разумеется, что мы не будем отвечать на попытки Мартынова доказать неверность нашего и правильность его толкования ряда цитат из Энгельса и Маркса. Попытки эти настолько несерьезны, увертки Мартынова так очевидны, вопрос так ясен, что останавливаться на нем еще раз было бы неинтересно. Всякий думающий читатель сам разберется легко в несложных хитростях мартыновского отступления по всей линии, особенно когда выйдут подготовляемые группой сотрудников «Пролетария» полные переводы брошюры Энгельса: «Бакунисты за работой» и Маркса: «Обращение правления союза коммунистов» от марта 1850 года^[43]. Достаточно одной цитаты из статьи Мартынова, чтобы сделать читателю наглядным его отступление.

«Искра» «признает» – говорит Мартынов в № 103 – «учреждение временного правительства как один из возможных и целесообразных путей развития революции, и отрицает целесообразность участия социал-демократов в *буржуазном* временном правительстве, именно в интересах полного завладения в будущем государственной машиной для социалистического переворота». Другими словами: «Искра» признала теперь нелепость всех ее страхов насчет ответственности революционного правительства за казначейство и банки, насчет опасности и невозможности брать в свои руки «тюрьмы» и т. п. «Искра» путает только по-прежнему, смешивая демократическую и социалистическую диктатуру. Путаница неизбежна, как прикрытие отступления.

Но среди путаников новой «Искры» Мартынов выделяется как путаник 1-го ранга, как путаник, если позволительно так выразиться, талантливый. Запутывая вопрос своими потугами «углубить» его, он почти всегда «додумывается» при этом до новых формулировок, которые великолепно освещают всю фальшь занятой им позиции. Вспомните, как в эпоху «экономизма» он «углублял» Плеханова и творчески создал формулу: «экономическая борьба с хозяевами и с правительством». Трудно указать во всей литературе «экономистов» более удачное выражение всей фальши этого направления. Так и теперь, Мартынов усердно служит новой «Искре» и всякий раз почти, когда берет слово, дает нам новый и великолепный материал для оценки фальшивой новоискровской позиции. В № 102 он говорит, что Ленин «подменил незаметным образом понятия революция и диктатура» (стр. 3, столб. 2).

К этому обвинению сводятся, в сущности, все обвинения новоискровцев против нас. И как же мы благодарны Мартынову за это обвинение! Какую неоценимую услугу оказывает он нам в деле борьбы с новоискровством, давая такую формулировку обвинения! Положительно, нам надо просить редакцию «Искры», чтобы она почаще выпускала против нас Мартынова для «углубления» нападений на «Пролетария» и для «истинно принципиаль-

ной» формулировки их. Ибо чем принципиальнее тщится рассуждать Мартынов, тем хуже у него выходит и тем отчетливее он показывает прорехи новоискровства, тем удачнее производит сам над собой и над своими друзьями полезную педагогическую операцию: *reductio ad absurdum* (доведения до абсурда принципов новой «Искры»).

«Вперед» и «Пролетарий» «подменяют» понятия революции и диктатуры. «Искра» не хочет такого «подмена». Именно так, почтеннейший тов. Мартынов! Вы нечаянно сказали большую правду. Вы подтвердили *новой* формулировкой наше положение, что «Искра» тащится в хвосте революции, сбивается на освободительскую формулировку ее задач, а «Вперед» и «Пролетарий» дают лозунги, которые ведут вперед демократическую революцию.

Вам непонятно это, тов. Мартынов? Ввиду важности вопроса мы потрудимся дать вам обстоятельное разъяснение.

Буржуазный характер демократической революции сказывается, между прочим, в том, что целый ряд общественных классов, групп и слоев, стоящих вполне на почве признания частной собственности и товарного хозяйства, неспособных выйти за эти рамки, приходят силой вещей к признанию негодности самодержавия и всего крепостнического строя вообще, примыкают к требованию свободы. При этом буржуазный характер *этой* свободы, требуемой «обществом», защищаемой потоком слов (и только слов!) помещиков и капиталистов, выступает наружу все яснее и яснее. Вместе с тем становится все нагляднее и коренная разница между рабочей и буржуазной борьбой за свободу, между пролетарским и либеральным демократизмом. Рабочий класс и его сознательные представители идут вперед и толкают вперед эту борьбу, не только не боясь довести ее до конца, но стремясь гораздо дальше самого далекого конца демократической революции. Буржуазия непоследовательна и своекорыстна, принимая лозунги свободы лишь неполно и лицемерно. Всякие попытки определить особой чертой, особо выработанными «пунктами» (вроде пунктов резолюции Старовера или конференстов) пределы, за которыми начинается это лицемерие буржуазных друзей свободы или, если хотите, это предательство свободы ее буржуазными друзьями, неминуемо осуждены на успех, ибо буржуазия, поставленная между двух огней (самодержавие и пролетариат), способна тысячами путей и средств менять свою позицию и лозунги, приспособляясь на вершок влево и на вершок вправо, постоянно торгуясь и маклерствуя. Задача пролетарского демократизма состоит не в выдумывании таких мертвых «пунктов», а в неустанной критике развивающейся политической ситуации, в изобличении все новых и новых, непредусмотримых заранее, непоследовательностей и измен буржуазии.

Припомните историю политических выступлений в нелегальной литературе г-на Струве, историю войны с ним социал-демократии, и вы увидите наглядно осуществление этих задач социал-демократией, поборницей пролетарского демократизма. Г. Струве начал с лозунга, чисто шиповского: «права и властное земство» (см. мою статью в «Заре»^[44]: «Гонители земства и Аннибалы либерализма»⁴⁵). Социал-демократия изобличала его и толкала к определенно-конституционалистической программе. Когда эти «толчки» возымели действие благодаря особенно быстрому ходу революционных событий, борьба направилась на *следующий* вопрос демократизма: не только конституция вообще, но непременно всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов. Когда мы «заняли» у «неприятеля» и эту новую позицию (принятие всеобщего избирательного права «Союзом освобождения»), мы стали напирать дальше, показывая лицемерие и фальшь двухпалатной системы, неполноту признания освобожденцами всеобщего избирательного права, показывая на их *монархизме* маклерский характер их демократизма или, иначе, *проторговыванье* этими освобожденскими героями денежного мешка интересов великой русской революции.

⁴⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 21–72. *Ред.*

Наконец, дикое упорство самодержавия, гигантский прогресс гражданской войны, безвыходность того положения, в которое завели Россию монархисты, стали пробивать самые косные головы. Революция становилась *фактом*. Для признания революции не требовалось уже быть революционером. Самодержавное правительство фактически разлагалось и разлагается у всех на глазах. Как справедливо заметил один либерал в легальной печати (г. Гредескул), создалось фактическое неповиновение этому правительству. При всей своей кажущейся силе самодержавие оказалось бессильным, события развивающейся революции стали просто отодвигать в сторону этот заживо разлагающийся паразитный организм. Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа *начали приходить к необходимости признать революцию*. Они делают это не потому, что они революционеры, а несмотря на то, что они не революционеры. Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции, обвиняя в революционности самодержавие, которое не хочет сделки, а хочет борьбы не на жизнь, а на смерть. Прирожденные торгаши, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами.

Мы присутствуем при высоко-поучительном и высококомичном зрелище. Проститутки буржуазного либерализма пытаются напаять на себя тогу революционности. Освобожденцы – *risum teneatis, amici!*⁴⁶ – освобожденцы начинают говорить от имени революции! Освобожденцы начинают уверять, что они «не боятся революции» (г. Струве в № 72 «Освобождения»!!! Освобожденцы выражают претензию «стать во главе революции»!!!

Это чрезвычайно знаменательное явление, характеризующее не только прогресс буржуазного либерализма, но еще более прогресс реальных успехов революционного движения, которое *заставило* признать себя. Даже буржуазия начинает чувствовать, что выгоднее становиться на почву революции, – до того расшатано самодержавие. Но, с другой стороны, это явление, свидетельствующее о подъеме всего движения на новую, высшую ступень, ставит перед нами тоже новые и тоже высшие задачи. Признание революции буржуазией не может быть искренним, независимо от личной добросовестности того или иного идеолога буржуазии. Буржуазия не может не внести с собой своекорыстия и непоследовательности, торгашества и мелких реакционных уловок и на эту высшую стадию движения. Мы должны теперь *иначе* формулировать ближайшие *конкретные* задачи революции во имя нашей программы и в развитие нашей программы. То, что достаточно было вчера, *недостаточно сегодня*. Вчера, может быть, достаточно было, в качестве передового демократического лозунга, требование признать революцию. Теперь этого мало. Революция заставила даже господина Струве признать себя. Теперь от передового класса требуется определить точно *самое содержание* насущных и неотложных задач этой революции. Господа Струве, признавая революцию, тут же высовывают паки и паки свои ослиные уши, опять затягивая старую песенку о возможности мирного исхода, о призыве *Николаем* к власти господ освобожденных и т. д. и т. п. Господа освобожденцы признают революцию, чтобы тем безопаснее для себя эскамотировать эту революцию, предать ее. Наше дело теперь – указать пролетариату и всему народу недостаточность лозунга: революция, показать необходимость ясного и недвусмысленного, последовательного и решительного определения *самого содержания* революции. А такое определение и представляет из себя лозунг, единственно способный правильно выразить «решительную победу» революции, лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства^[45].

Злоупотребление словами – самое обычное явление в политике. «Социалистами», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма («мы все

⁴⁶ Подождите смеяться, господа!

теперь социалисты» – «We all are socialists now», сказал Гаркорт) и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII. Слово «революция» тоже вполне пригодно для злоупотребления им, а на известной стадии развития движения такое злоупотребление неизбежно. Когда г. Струве заговорил от имени революции, мы невольно вспомнили Тьера. За несколько дней до февральской революции этот чудовищный карлик, этот идеальный выразитель политической продажности буржуазии, почуял приближение народной бури. И он заявил с парламентской трибуны, что он *принадлежит к партии революции!* (См. «Гражданскую войну во Франции» Маркса)^[46]. Политическое значение освобожденского перехода к партии революции *целиком тождественно* с этим «переходом» Тьера. Когда русские Тьеры заговорили об их принадлежности к партии революции, это значит, что лозунг революция стал недостаточным, ничего не говорящим, никаких задач не определяющим, ибо революция стала фактом, на ее сторону повалили разнороднейшие элементы.

В самом деле, что такое революция с марксистской точки зрения? Насильственная ломка устарелой политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах ее. Противоречие самодержавия всему строю капиталистической России, всем потребностям ее буржуазно-демократического развития вызвало теперь тем более сильный крах, чем дольше это противоречие искусственно удерживалось. Надстройка трещит по всем швам, поддается напору, слабеет. Народу приходится самому, в лице представителей различнейших классов и групп, созидать себе новую надстройку. В известный момент развития негодность старой надстройки становится ясна всем. Революцию признают все. Теперь задача в том, чтобы определить, *какие* *ее* именно классы и *как именно* должны построить новую надстройку. Без такого определения лозунг революция в данный момент пуст и бессодержателен, ибо слабость самодержавия делает «революционерами» и великих князей и «Московские Ведомости»^[47]! Без такого определения не может быть и речи о передовых демократических задачах передового класса. А этим определением и является лозунг: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Этот лозунг определяет и те классы, на которые можно и должно опереться новым «строителям» новой надстройки, и характер ее («демократическая» диктатура в отличие от социалистической) и способ стройки (диктатура, т. е. насильственное подавление насильственного сопротивления, вооружение революционных классов народа). Кто не признает теперь этого лозунга революционно-демократической диктатуры, лозунга революционной армии, революционного правительства, революционных крестьянских комитетов, тот или безнадежно не понимает задач революции, не умеет определить новых и высших, выдвигаемых настоящим моментом, задач ее или же тот обманывает народ, предает революцию, злоупотребляя лозунгом «революция».

Первый случай – тов. Мартынов и его друзья. Второй случай – г. Струве и вся «конституционно-демократическая» земская партия.

Т. Мартынов был так догадлив и остроумен, что выдвинул обвинение о «подмене» понятий революция и диктатура как раз тогда, когда развитие революции потребовало определения ее задач лозунгом диктатуры! Т. Мартынов фактически имел опять несчастье остаться в хвосте, застрять на предпоследней ступеньке, *оказаться на уровне освобожденства*, ибо именно освобожденской политической позиции, т. е. интересам либеральной монархической буржуазии, соответствует теперь признание «революции» (на словах) и нежелание признать демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства (т. е. революцию на деле). Либеральная буржуазия высказывается теперь, устами г. Струве, за революцию. Сознательный пролетариат требует, устами революционных социал-демократов, диктатуры пролетариата и крестьянства. И тут вмешивается в спор мудрец из новой «Искры», крича: не смейте «подменять» понятия революция и диктатура! Ну, разве же неправда, что

фальшь позиции новоискровцев осуждает их на то, чтобы постоянно тащиться в хвосте освобожденства?

Мы показали, что освобожденцы поднимаются (не без влияния поощрительных толчков социал-демократии) со ступеньки на ступеньку вверх в деле признания демократизма. Сначала вопрос в нашем споре с ними стоял: шиповщина (права и властное земство) или конституционализм? Затем, ограниченные выборы или всеобщее избирательное право? Далее: признание революции или маклерская сделка с самодержавием? Наконец, теперь: признание революции без диктатуры пролетариата и крестьянства или признание требования диктатуры этих классов в демократической революции? Возможно и вероятно, что господа освобожденцы (все равно, нынешние ли или их преемники в левом крыле буржуазной демократии) поднимутся еще на ступеньку, т. е. признают со временем (может быть, к тому времени, когда поднимется еще на ступеньку тов. Мартынов) и лозунг диктатуры. Это даже неизбежно будет так, если русская революция успешно пойдет вперед и дойдет до решительной победы. Какова будет тогда позиция социал-демократии? Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, – будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, чище, решительнее развернется эта новая борьба. Лозунг «демократической» диктатуры и выражает исторически-ограниченный характер теперешней революции и необходимость новой борьбы на почве новых порядков за полное освобождение рабочего класса от всякого гнета и всякой эксплуатации. Другими словами: когда демократическая буржуазия или мелкая буржуазия поднимется еще на ступеньку, когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, – тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота.

III. Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса

Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала, между прочим, такой упрек этой газете. «Новая Рейнская Газета» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx' Nachlass, том III, стр. 53)^[48]. С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у нашего Мартынова, который в заключение своего «нового похода» в новой «Искре» объясняет пристрастие «Впереда» и «Пролетария» к лозунгу диктатура тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра» № 103, стр. 3, столб. 2). Это прелестное объяснение стоит всецело на высоте буржуазных обвинений «Новой Рейнской Газеты» в проповеди диктатуры. Маркс тоже, следовательно, был изобличаем – только не «социал-демократами», а буржуазными либералами! – в «подмене» понятий революция и диктатура. Чтобы разъяснить Мартынову понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, – писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, – после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т. е. партия реакции) укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу»^[49].

В этих словах, – справедливо говорит Меринг, – резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Новая Рейнская Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство *должно* выступать диктаторски (положение, которого никак не могла понять «Искра», чуравшаяся лозунга: диктатура); – что задача этой диктатуры уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда РСДРП о борьбе с контрреволюцией и что опущено в резолюции конференции, как мы показали выше). Наконец, в третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 6 июня 1848 г. «Учредительное народное собрание, – писал Маркс, – должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?»^[50].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Книга В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была написана в июне – июле 1905 года после окончания работы III съезда РСДРП, а также проходившей одновременно со съездом меньшевистской конференции в Женеве. Работая над заглавием своей книги, Ленин записал: «Две тактики социал-демократии в демократической революции (Мысли и заметки по поводу решений III съезда РСДРП и конференции отколовшихся социал-демократов)» (Ленинский сборник V, 1929, стр. 315).

2.

«Пролетарий» – нелегальная большевистская еженедельная газета; Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед».

3.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелким собственником, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (настоящий том, стр. 285). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

4.

«Освобождение» – двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 года по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов) – ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России.

5.

III съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12–27 апреля (25 апреля – 10 мая) 1905 года. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством Ленина. Меньшевики отказались от участия в съезде и собрали в Женеве свою конференцию.

6.

Имеется в виду меньшевистская «Искра». На II съезде партии была утверждена редакция Центрального Органа партии в составе В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Л. Мартова. Однако меньшевик Мартов, вопреки решению съезда, отказался войти в редакцию без старых редакторов-меньшевиков (П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова и В. И. Засулич), не избранных II съездом, и №№ 46–51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции отвергнутых съездом старых редакторов-меньшевиков. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры»; он был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. Номер 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова, а 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушив волю II съезда партии, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков Аксельрода, Потресова и Засулич. С пятидесят второго номера «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма. Меньшевики превратили ее в орган борьбы против марксизма, против партии, в трибуну для проповеди оппортунизма. Новая, меньшевистская «Искра» подрывала основы партийности: требование обязательности выполнения партийных решений объявлялось «бюрократизмом» и «формализмом», подчинение меньшинства большинству рассматривалось как «грубо механическое» подавление воли и свободы члена партии, партийная дисциплина третировалась как «крепостное право». Меньшевики тащили партию назад, к организационной раздробленности и распущенности, к кружковщине и кустарничеству.

7.

Булыгинская комиссия – особое совещание, созданное по указу царя от 18 февраля (3 марта) 1905 года под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина. В его состав вошли крупные помещики, представители реакционного дворянства. Совещание должно было подготовить закон о созыве Государственной думы, причем в указе и в опубликованном одновременно с ним царском манифесте ставилась задача полного сохранения незыблемости существовавших законов и всемерного укрепления царского самодержавия.

8.

Конституционно-демократическая партия (кадеты) – ведущая партия либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «Партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Великой Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов.

Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

9.

Мильтеранизм — оппортунистическое течение, названное по имени французского социалиста-реформиста Мильтерана А.-Э., который в 1899 году вошел в состав реакционного буржуазного правительства Франции и занял пост министра торговли. Вступление Мильтерана в буржуазное правительство явилось ярким выражением политики классового сотрудничества оппортунистических лидеров социал-демократии с буржуазией, отказом их от революционной борьбы, предательством интересов трудящихся классов. Характеризуя мильтеранизм как ревизионизм и ренегатство, Ленин указывал, что социал-реформисты, входя в буржуазное правительство, непременно оказывались подставными фигурами, ширмой для капиталистов, орудием обмана масс этим правительством.

10.

«Новая Рейнская Газета» («Neue Rheinische Zeitung») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией К. Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входили Ф. Энгельс, В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргере.

11.

«Социал-Демократ» — меньшевистская газета; выходила на грузинском языке в Тифлисе с 7 (20) апреля по 13 (26) ноября 1905 года. Вышло всего 6 номеров. Газетой руководил лидер грузинских меньшевиков Н. Жордания.

12.

«Шиповской» конституцией Ленин называет проект государственного устройства, разработанный Д. Н. Шиповым, умеренным либералом, возглавлявшим правое крыло земцев. Стремясь ограничить размах революции и вместе с тем добиться некоторых уступок со стороны царского правительства в пользу земств, Шипов предлагал создать совещательный представительный орган при царе. Путем такой сделки умеренные либералы стремились обмануть народные массы, сохранить монархию и в то же время получить для себя некоторые политические права.

13.

«Русская Старина» — исторический журнал, основан М. И. Семевским; издавался ежемесячно в Петербурге с 1870 по 1918 год. В «Русской Старине» видное место отводилось публикации воспоминаний, дневников, записок, писем государственных деятелей России и представителей русской культуры, а также различных документальных материалов.

14.

Речь идет о работе К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 1–4).

15.

«Русские Ведомости» — газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80–90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря (В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др.), печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла партии кадетов. Ленин отмечал, что «Русские Ведомости» своеобразно

сочетали «правый кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами.

16.

«Сын Отечества» – ежедневная газета либерального направления, издававшаяся в Петербурге с 1856 по 1900 год и с 18 ноября (1 декабря) 1904 года. Сотрудниками газеты были освобожденцы и народники различных оттенков. С 15 (28) ноября 1905 года газета стала органом партии эсеров. 2 (15) декабря 1905 года газета была закрыта.

17.

«Наша Жизнь» – ежедневная газета либерального направления; выходила в Петербурге с перерывами с 6 (19) ноября 1904 года по 11 (24) июля 1906 года.

18.

«Наши Дни» – ежедневная газета либерального направления; издавалась в Петербурге с 18 (31) декабря 1904 года по 5 (18) февраля 1905 года; 7 (20) декабря 1905 года издание газеты возобновилось, но вышло только два номера.

19.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459).

20.

«Человек в футляре» – персонаж одноименного рассказа А. П. Чехова. В литературе употребляется для характеристики закостенелых, далеких от жизни людей, боящихся всего нового.

21.

В. И. Ленин ссылается на книгу «Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, Herausgegeben von Franz Mehring», Band III, Stuttgart, 1902, S. 211 («Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля, под редакцией Франца Меринга», т. III, Штутгарт, 1902, стр. 211). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 6, стр. 114.

22.

Имеется в виду прием Николаем II 6 (19) июня 1905 года делегации земцев, избранной на проходившем в Москве 24–25 мая (6–7 июня) 1905 года совещании представителей земских управ и городских дум с участием предводителей дворянства. Делегация вручила царю петицию с просьбой созвать народных представителей, чтобы в согласии с царем установить «обновленный государственный строй». Петиция не содержала требований ни всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов, ни гарантий свободы выборов. Оценку предательской роли буржуазии, стремившейся за спиной народа совершить сделку с царем, Ленин дал в статьях «Первые шаги буржуазного предательства» и ««Революционеры» в белых перчатках» (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 291–297 и 298–303).

23.

Речь идет о Цусимском бое – морском сражении близ острова Цусимы, происходившем 14–15 (27–28) мая 1905 года во время русско-японской войны. Сражение закончилось разгромом русского флота.

24.

Выражение «парламентский кретинизм», неоднократно встречающееся у В. И. Ленина, употреблялось К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как писал Ф. Энгельс, «парламентский кретинизм» – это неизлечимая болезнь, недуг, «несчастные жертвы которого проникаются торжественным убеждением, будто весь мир, его история и его будущее направляются и определяются большинством голосов именно того представительного учреждения, которое удостоилось чести иметь их в качестве своих членов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 92).

25.

«Рабочее Дело» – журнал «экономистов», неперiodический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова; вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась заграничным центром «экономистов» («рабочедельцев»). «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии. «Рабочедельцы» пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения, отвергали руководящую роль партии и отрицали революционные возможности крестьянства. Один из редакторов «Рабочего Дела» (В. П. Иваншин) принимал участие в редактировании «Рабочей Мысли» – органа откровенных «экономистов», которому «Рабочее Дело» оказывало поддержку. На II съезде РСДРП «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии.

26.

Речь идет о брошюре Л. Надеждина (псевдоним Е. О. Зеленского) «Канун революции. Непериодическое обозрение вопросов теории и тактики», вышедшей в свет в 1901 году. Ленин подверг резкой критике брошюру Надеждина в своей книге «Что делать?» (см. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 154, 157, 161–179).

27.

«Франкфуртская Газета» («Frankfurter Zeitung») – ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь начала выходить с 1949 года под названием «Франкфуртская Всеобщая Газета» («Frankfurter Allgemeine Zeitung»); является рупором западногерманских монополистов.

28.

Имеются в виду статьи Ленина «Социал-демократия и временное революционное правительство» и «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», опубликованные в №№ 13 и 14 большевистской газеты «Вперед» (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 1–19 и 20–31).

29.

Ленин имеет в виду программу, выпущенную в 1874 году лондонской группой бланкистов, бывших членов Парижской Коммуны (см. статью Ф. Энгельса «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 224–230).

30.

Эрфуртская программа Германской социал-демократической партии была принята в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875 г.); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; но и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. Развернутую критику проекта Эрфуртской программы дал Ф. Энгельс («К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» – см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 101–116); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интернационала, для партий которого Эрфуртская программа была своего рода образцом. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин считал, что главным недостатком, трусливой уступкой оппортунизму, является умолчание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата.

31.

Примечание к десятой главе книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции» написано в ходе работы над книгой, на отдельных листках. В рукописи примечания Ленин сделал пометку: «Вставить в § 10». В первое издание книги это примечание не вошло, как не вошло оно и при публикации книги в сборнике «За 12 лет» в 1907 году. Впервые примечание было опубликовано в 1926 году в Ленинском сборнике V. В 4-м издании Сочинений В. И. Ленина примечание было включено в текст книги после главы 10, согласно пометке, сделанной В. И. Лениным. В настоящем томе оно дается так же, как и в 4-ом издании.

32.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 472–475.

33.

В № 3 газеты «Пролетарий» была опубликована статья В. И. Ленина «О временном революционном правительстве» (статья вторая) (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 241–250). В ней он цитирует статью Ф. Энгельса «Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 г.», в которой критикуется упоминаемая Лениным резолюция бакунистов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1933, стр. 105–124).

34.

«Credo» («Кредо») – символ веры, программа, изложение миросозерцания. Под таким названием известен документ, выпущенный в 1899 году группой «экономистов». Авторами «Credo» были Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, ставшие впоследствии членами партии кадетов, а после Октябрьской социалистической революции – белоэмигрантами. В этом документе были изложены оппортунистические взгляды «экономистов», отрицавших самостоятельную политическую роль пролетариата и необходимость политической

партии рабочего класса. «Экономисты» считали, что политическая борьба является делом либеральной буржуазии. Они ограничивали задачи и размах рабочего движения экономической борьбой с хозяевами и правительством за улучшение условий труда и быта в рамках буржуазного общества. Распространение этих оппортунистических идей являлось серьезной опасностью и грозило превратить пролетариат в политический придаток буржуазии.

35.

«Рабочая Мысль» – газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, № № 3–11 вышли за границей, в Берлине; печатание №№ 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний, № 16 вышел за границей. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

36.

Имеется в виду высказывание Маркса в его работе «К критике гегелевской философии права» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 422).

37.

Речь идет об участии Луи Эжена Варлена, видного деятеля французского рабочего движения и I Интернационала, в Совете Парижской Коммуны в 1871 году.

38.

Имеется в виду второй съезд РСДРП, состоявшийся 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

39.

Имеется в виду «организационный устав», принятый Женевской меньшевистской конференцией в 1905 году. Критику «устава» Ленин дал также в статье «Третий шаг назад» (см. Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 317–327) и в «Предисловии к брошюре «Рабочие о партийном расколе»» (см. настоящий том, стр. 159–165).

40.

См. К. Маркс. «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 86).

41.

Гирш-дункеровские профсоюзы – реформистские профсоюзные организации Германии, созданные в 1868 году деятелями буржуазной прогрессистской партии М. Гиршем и Ф. Дункером. Проповедуя идею «гармонии» интересов труда и капитала, организаторы гирш-дункеровских профсоюзов считали допустимым прием в союзы наряду с рабочими и капиталистов, отрицали целесообразность стачечной борьбы. Они утверждали, что избавление рабочих от гнета капитала возможно в рамках капиталистического общества посредством законодательства буржуазного государства, при помощи профессиональной организации; главную задачу профсоюзов они видели в посредничестве между рабочими и предпринимателями и в накоплении денежных средств. Отрицательное отношение к стачкам превращало гирш-дункеровские профсоюзы в организации штрейкбрехеров; их деятельность ограничивалась главным образом рамками касс взаимопомощи и культурно-

просветительных организаций. Гирш-дункеровские профсоюзы, просуществовавшие до мая 1933 года, никогда не представляли серьезной силы в германском рабочем движении, несмотря на все усилия буржуазии и поддержку правительственных органов. В 1933 году оппортунистические деятели гирш-дункеровских профсоюзов вошли в фашистский «трудовой фронт».

42.

«Рассвет» – ежедневная легальная либеральная газета; издавалась в Петербурге с 1 (14) марта по 29 ноября (12 декабря) 1905 года.

43.

Статья Ф. Энгельса «Бакунисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 г.» была переведена на русский язык под редакцией Ленина и вышла отдельной брошюрой в 1905 году в издании ЦК РСДРП в Женеве, а затем, в 1906 году, была переиздана в Петербурге (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1933, стр. 105–124).

44.

«Заря» – марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901–1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 – в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта н. ст.), № 2–3 – в декабре 1901 года, № 4 – в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари»», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322–333)» В 1902 году во время возникших разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры» и «Зари» Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

45.

Следующий ниже текст от слов: «Злоупотребление словами – самое обычное явление в политике...» до абзаца, начинающегося со слов: «Мы показали...», не вошел в текст брошюры «Две тактики социал-демократии в демократической революции» издания 1905 года, так же как и в текст сборника «За 12 лет», где в 1907 году была опубликована эта работа В. И. Ленина. Впервые он опубликован в газете «Правда» № 112 от 22 апреля 1940 года. В четвертом издании Сочинений В. И. Ленина этот текст был напечатан по рукописи. Так же он публикуется и в пятом издании Сочинений.

46.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 433–503.

47.

«Московские Ведомости» – одна из старейших русских газет; издавалась Московским университетом с 1756 года (первоначально в виде небольшого листка). В 1863–1887 годах редактором-издателем «Московских Ведомостей» был М. Н. Катков – крайний реакционер и шовинист. В эти годы газета превратилась в монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года «Московские Ведомости» – один из главных органов черносотенцев. Выходила до Великой Октябрьской социалистической революции.

48.

В. И. Ленин ссылается на введение Ф. Меринга к книге «Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, Herausgegeben von Franz Mehring», Band III, Stuttgart, 1902, S. 53 («Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля, под редакцией Франца Меринга», т. III, Штутгарт, 1902, стр. 53). (См. «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848–1850 гг.). Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом», 1926, стр. 53).

49.

К. Маркс. «Кризис и контрреволюция» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 431).

50.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 5, стр. 39.

147.

Восстание на броненосце «Потемкин» началось 14 (27) июня 1905 года. Восставший броненосец пришел в Одессу, где в это время происходила всеобщая стачка. Но благоприятные условия, создавшиеся для совместного выступления рабочих Одессы и матросов, использованы не были. Большевистская организация Одессы вследствие многочисленных арестов была ослаблена, в ней не было единства. Меньшевики же были против вооруженного восстания и удерживали рабочих и матросов от наступательной борьбы, Царское правительство для подавления восстания на «Потемкине» направило весь Черноморский флот, но матросы отказались стрелять по восставшему кораблю, и командиры вынуждены были увести эскадру обратно. После одиннадцати дней скитаний по морю броненосец «Потемкин», лишенный продовольствия и угля, вынужден был уйти к берегам Румынии и сдаться румынским властям. Большинство матросов осталось за границей. Те же, которые вернулись в Россию, были арестованы и преданы суду.

148.

Женевская конференция меньшевиков происходила одновременно с III съездом РСДРП в апреле 1905 года. Ввиду малочисленности участников (присутствовали делегаты только от 9 комитетов) меньшевики объявили свое собрание конференцией партийных работников.

149.

Имеется в виду резолюция А. Н. Потресова (Старовера) об отношении к либералам, принятая на II съезде РСДРП. Критику этой резолюции Ленин дал также в статье «Рабочая и буржуазная демократия» (см. Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 179–189).

150.

Имеются в виду разногласия при обсуждении проекта аграрной программы на съезде Германской социал-демократической партии, происходившем в Бреслау 6–12 октября (н. ст.) 1895 года. Проект аграрной программы содержал серьезные ошибки, в частности, в нем сказалась тенденция превратить пролетарскую партию в «общенародную». Этот проект, помимо оппортунистов, защищали также А. Бебель и В. Либкнехт. Проект аграрной программы был подвергнут на съезде резкой критике со стороны К. Каутского, К. Цеткин и ряда других социал-демократов. Съезд большинством голосов (158 против 63) отверг предложенный комиссией проект аграрной программы.

151.

«Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

152.

«L'Humanite» («Человечество») – ежедневная газета, основанная в 1904 году Ж. Жоресом как орган Французской социалистической партии. В 1905 году газета приветствовала начавшуюся революцию в России, выражая солидарность французского народа «с русской нацией, творящей свой 89 год». Редакция газеты организовала сбор средств в пользу русской революции. В годы первой мировой войны (1914–1918) газета находилась в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии, занимала шовинистическую позицию.